

ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На станке — марка Одесского ремесленного училища № 3. Митя Донде очень горд: «Эти станки мы делаем сами».

Фото А. Узляна.

На первой странице обложки: В Среднеазиатском государственном университете имени Ленина в Ташкенте учится молодежь Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Казахстана. Студенты-отличники: туркмен Хаидмурат Баяров и узбечка Соня Икрамова.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Танец «Виноград» исполняют артисты Первого туркменского ансамбля танца.

Фото В. Шаховского.

ОГОНЁК № 43 (1428) 24 ОКТЯБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ХЛЕБ С ЦЕЛИНЫ

Со станции Ленинград — Навалочная позвонили: через час прибывают эшелоны пшеницы с целинных земель. На мельничном комбинате имени С. М. Кирова началось оживление.

Каждую осень сюда поступает зерно нового урожая. Какова же будет нынешняя пшеница, с целины?

И вот огромный двор комбината огласился гудками паровозов. С площадки тринадцатого этажа элеватора хорошо видна не только обширная территория предприятия, но и прилегающие к ней железнодорожные пути.

На повороте показались крытые вагоны. Прибыл состав из Кустанайской области Казахстана. Вслед за ним подошел поезд с Алтая. Первыми встречают эшелоны с хлебом визировщики-лаборанты; длинными металлическими щупами они берут на пробу образцы нового зерна.

Начинается разгрузка сразу на четырех путях. Бригадир А. А. Ананьева приоткрыла люк вагонного щита, и поток зерна устремился в приемные бункеры, расположенные в подземном туннеле.

«Самотечная» выгрузка продолжается недолго — включаются огромные механические лопаты.

— Вот она, пшеница с целины: прозрачная, чистая, зернышко в зернышко,— говорит стоящий у вагона мукомол.

Но решающее слово в оценке качества принадлежит лаборатории. Без ее анализа ни одна партия зерна не идет в переработку. Приборы определяют влажность, засоренность, объемный вес зерна и его хлебопекарные свойства. Результаты записывают в специальные паспорта. Знакомимся с одним из них:

«Пшеница прибыла с Кустанайского элеватора. Объемный вес хорош — в литре 786 граммов. Влажность — 13 процентов, можно без сушки пускать зерно в переработку. Температура нормальная. Зерно чистое».

Другой паспорт аттестует яровую пшеницу, выращенную на целинных землях Алтая: «В одном литре 810 граммов пшеницы. Влажность нормальная».

Анализ закончен. Из подземных приемников по вертикально движущемуся транспортеру зерно

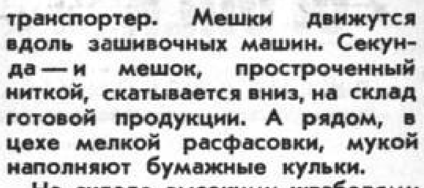
Прибыл состав с зерном из Кустанайской области.

Быстро течет пшеничная река...

Вальцевые станки превращают зерно в муку.

Мука поступает в расфасовочный цех.

подают на двенадцатый этаж. В бункерах его автоматически взвешивают. Весовщик открывает задвижку — и пшеница со скоростью пять метров в секунду несется на широкой движущейся ленте галереи, вдоль которой расположены люки. За три часа с ленты сбрасывается в люки эшелон зерна.

Мельничный комбинат имени С. М. Кирова — одно из крупнейших в стране предприятий по выработке сортовой муки. Все процессы здесь механизированы. В цехах почти не видно рабочих. Машины пускают в ход с общих пультов управления, а останавливают лишь раз в декаду на профилактический осмотр.

Длинный путь в 13 километров проходит зерно от элеватора до размольного цеха, где его превращают в муку. В сепараторах оно очищается от мелких примесей, его промывают в моечных машинах.

Готовая мука вновь поступает в лабораторию. На цветомере с помощью фотоэлементов определяется ее цвет, в автоматических сушилках — влажность. Здесь есть и свой миниатюрный хлебозавод. На лабораторном столе всегда можно видеть хлебцы и булочки, их выпекают из свежей муки каждые восемь часов. В качестве дегустаторов привлекают хлебопеков и кондитеров. На этот раз пробу берет работник хлебозавода Фрунзенского района А. И. Прохоров.

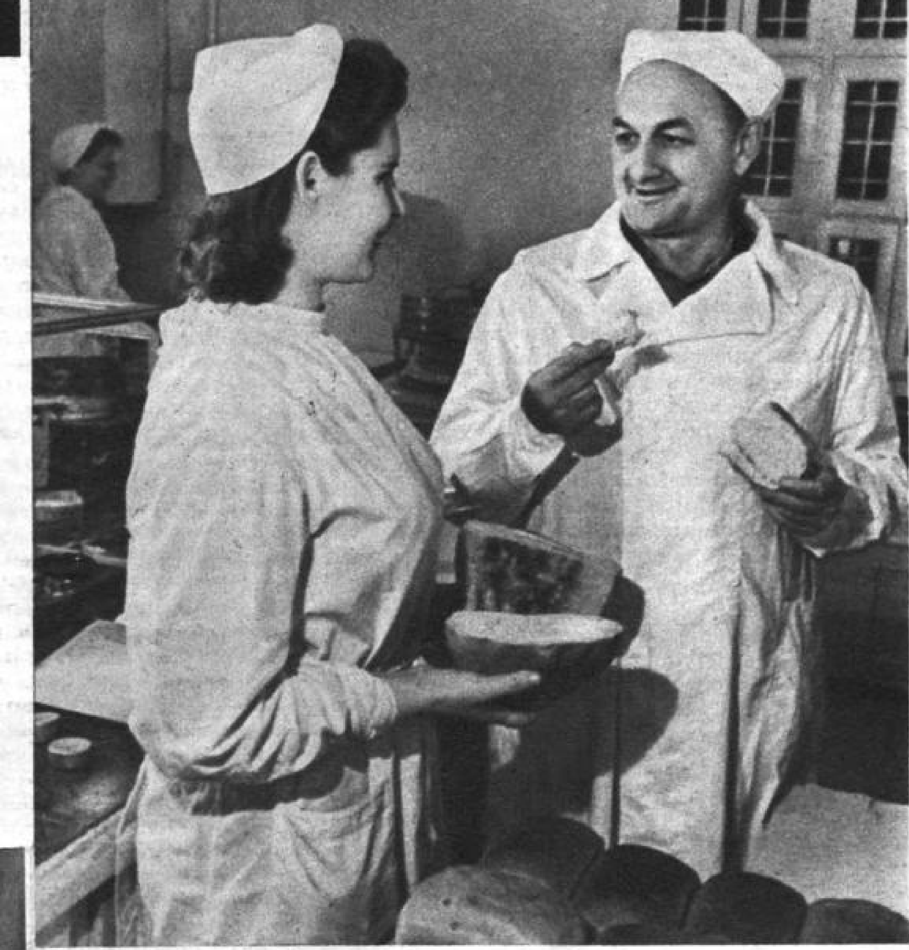
— Хорош хлеб! — таково его заключение.

Белоснежная мука поступает в расфасовочные цехи. В одном из них машины наполняют мешки мукой, утрясают их, ставят на транспортер. Мешки движутся вдоль зашивочных машин. Секунда — и мешок, простроченный ниткой, скатывается вниз, на склад готовой продукции. А рядом, в цехе мелкой расфасовки, мукой наполняют бумажные кульки.

На складе высокими штабелями лежат готовые к отправке мешки и ящики с кульками. Одна за другой подходят автомашины, которые увозят мешки на хлебозаводы, а кульки — в магазины.

Хозяйки охотно покупают в ленинградских магазинах отличную белую муку.

Мы побывали в семье крановщицы Кировского завода Нины Анатольевны Блиновой. Ее муж Борис Николаевич, коммунист, работает сейчас на освоении целинных и залежных земель. Блинов — комбайнер на Алтае. Он пишет, что намолачивает по 200 пудов с гектара.

— Хорош хлеб! — говорит А. И. Прохоров.

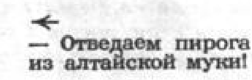
К Нине Анатольевне собрались родственники и соседи. На столе пышные пироги с капустой, яблоками. На каравае надпись кремом: «1954 год».

— Мука чудесная, тесто само так и поднимается, — говорит хозяйка. — Напишу Борису, похвалю алтайское зерно...

— Окончу вечернюю десятилетку и тоже поеду на Алтай, — сообщает гостям Нина Анатольевна.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. АНАНЬЕВА.

— Отведаем пирога из алтайской муки!

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Главы из романа «Черная металлургия»

А. ФАДЕЕВ

Рисунки О. Верейского.

IV

И день, такой же, как сотни дней до него и тысячи после него, глянул на нее со всею тяжестью и скукой неуловимых, неисчислимых, опутывающих душу и страшных своей мелочностью забот, которые все укладываются в одно понятие, определяющее жизнь миллионов и миллионов женщин: домашняя хозяйка.

Но день, предстоявший Тине, как и неизвестно еще сколько следовавших за ним, должен был быть особенно, невыносимо тяжелым, потому что приехал Федор Никонович, отец Павлуши. А ее мать, мать Тины, уже не могла помочь дочери, как обычно, когда у них собирались гости. Мама не могла приехать именно потому, что это были не обычные гости, а Федор Никонович. Может быть, она и преодолела бы неприязненное чувство к свату: она любила дочь и способна была ради нее на жертвы; простая деревенская женщина, она умела прятать свои чувства под личиной молчаливого равнодушия, доведенного, если нужно, даже до тупости. Но отец Тины никогда не отпустил бы жену унижаться перед старым Кузнецовым.

Вчера, когда Павлуша и Захар и его жена Дуня отвели подвыпившего Федора Никоновича в кабинет, где Тина наскоро постелила ему на диване, они еще посидели некоторое время вчетвером в прокуренной столовой, в невыносимой духоте.

Стояли на редкость безветренные и потому особенно жаркие дни и душные ночи середины июня; дверь на балкон бывала открыта круглые сутки. Но в этот день, как только Кузнецовы начали пировать, Тина незаметно прикрыла дверь и задернула ее легкой солнечной шторкой.

Чего опасалась Тина?

Во всем квартале 16 В, как и во всем этом новом городе, жили рабочие люди с семьями, в большинстве металлурги или строители из числа постоянных, кто в годы первой пятилетки прибрел сюда, может быть, так, на время — попытать счастья, а потом сам не заметил, как утвердился навечно. За шесть послевоенных лет десятки тысяч семейств были переселены в новый город, переселены из бараков, общежитий, из более тесных квартир старого города на той стороне озера.

Старый город когда-то тоже был новым, одним из первых новых городов в стране, и по привычке его называли «соцгородом». Назвали его так в легендарные времена, когда люди только что вылезли из нужды и никто не знал, каким же должен быть социалистический город, а всем хотелось, чтобы он уже был. Теперь в нем насчитывалось до ста пятидесяти тысяч жителей, и трубы комбината ежедневно выбрасывали на них четыреста тонн сажи и пыли, газовых отходов.

Благоприятное для Заречной стороны положение розы ветров навело строителей на мысль, что именно здесь должен быть создан новый социалистический город — будущий центр Большегорска. И теперь здесь строились кинотеатры, столовые, клубы, школы, дворцы культуры строителей и металлургов; и не только одновременно возводились все жилые и служебные здания в квартале, а сразу вслед за ними благоустраивались дворы, асфальтировались улицы, высаживались деревья, кустарники, цветы,— маляры покидали квартал одновременно с садовниками. Город рос с быстротой непостижимой, он насчитывал уже более пятидесяти тысяч жителей.

По традиционному навыку рабочих людей, сложившемуся за столетие, навыку к тому, что нет смысла скрывать свою жизнь в горе, а тем более в радости, а еще больше потому, что прежняя скученная жизнь в бараках и уплотненных квартирах поневоле приучала к откровенности, вся жизнь переселенных семейств на Заречной стороне протекала на виду друг у друга. В этих домах некрупной, строгой, стройной архитектуры, поражавшей взгляд разнообразно-простыми и гармоничными ансамблями, в домах, где с каждым годом прочнее, чище и уютней пригонялось и увязывалось все для удобства людей, в городе, призванном, подобно «Магнитке» или Сталинску, стать одной из столиц металлургии востока, ослепительно сиявшем своей белизной и похожем на приморские южные города, особенно если смотреть на него от комбината из-за озера, образованного мощной плотиной на реке Каратемир,— в этом действительно новом, белом, голубом, зеленом городе люди, в сущности, только еще учились жить, но они жили со вкусом и нараспашку.

Металлургическое производство — круглосуточное производство. Ночь за днем, месяц за месяцем, год за годом непрерывно люди порождают огненную стихию металла, могущую своим многотысячетонным, льющимся весом затопить и расплавить все, что ее порождает. Но люди непрерывно укрощают и организуют эту стихию на потребу человеку, к которому она приходит уже в виде балок, рельсов, брони, кровли, труб, колес, проволоки или в виде металлических заготовок, а потом уже и в виде блюмингов, турбин, экскаваторов, самолетов, микроскопов, детских поющих волчков, пружин для часов и нитей в электрической лампочке.

Чему же удивляться, если в любой час дня и ночи, когда работает одна смена, могут найтись люди из двух других смен, которым пришла неотложная потребность погулять после своего могущественного труда!

И не редкостью было видеть на просторах нового города добрую компанию молодежи, развернувшую свою гармонь поперек улицы, или слышать рвущиеся из распахнутых окон разудалые песни и топот каблуков, в то время когда вокруг кипит обыденная уличная жизнь или в синей ночи дремлют тополи и выбеленные луной кристаллические массы города, озаряемые заревом спущенного в воду шлака, безмолвно покоятся на холмах среди степи, отражаясь в озере.

Если у Павлуши Кузнецова бывали гости — товарищи по работе, приезжие люди из других городов Урала, Сибири, из Москвы, с Украины,— и у него распахивались все окна настежь. Но не тогда, когда приезжал Федор Никонович...

Впрочем, старик, ослепленный великолепием жизни младшего сына, в этот вечер, как и в прежние, не придавал значения закрытым окнам и дверям; он кричал и пел своим все еще могучим голосом, и только Захар все понимал и сердился.

Когда старика уложили, у всех было такое ощущение, будто здесь только что буря прошумела, а теперь неестественно тихо, хотя Захар был уже сильно пьян и молол всякий вздор.

Казалось, кому бы, как не жене, увести подгулявшего мужа, когда он не понимает, что уже в тягость хозяевам, но Дуня равнодушно относилась к тому, был ли Захар пьян, здоров, болен, работал ли, гулял ли. В первое время, как они породнились, Тине казалось, что равнодушие Дуни напускное: не сумела подобрать узды на мужа и приучилась так держать себя на людях, чтобы не унижаться. Наверно, так оно и началось когда-то, но теперь Дуня была равнодушна ко всему на свете и прежде всего равнодушна к самой себе. Это сказывалось и на ее внешности: с годами она все больше расплывалась, одевалась абы как, ей все равно было, причесана она или растрепана, похоже было, она не всегда и умывается. Тина замечала, что Дуня равнодушна даже к болезням детей своих. Она призналась Тине, что и супружеские-то обязанности выполняет без удовольствия, а потому, что так надо.

Захар привел ее сюда, чтобы оказать отцу почет в первый день приезда,— обычно он никуда не брал ее с собой. Она ему ни в чем не была помехой, но оскучняла его жизнь — жизнь тридцатилетнего мастерового, люкового на коксовых печах, который пошел на эту тяжелую работу только из-за того, что она не требовала особой квалификации и хорошо оплачивалась. Он не собирался менять свою должность на лучшую, но не мог и ниже опуститься, так как был здоров, не изнашивался ни от работы, ни от пьянства. Но счастье своей жизни он видел не в работе, а в том, чтобы прожить до конца дней своих, получая все доступные по его заработку, и по заработку родных, и по заработку товарищей блага и удовольствия, заключавшиеся для него главным образом в вине, табаке, вкусной пище, а при случае, если этого можно было достичь без хлопот и без последствий, в удовольствии от женщин и в том шумном веселье, какое можно было получать от умелого сочетания первого, второго и третьего и, по возможности, четвертого.

По внешности братья были поразительно схожи, только старший крупнее и более силен. Но все, что у Павлуши было смягчено мальчишеской ухваткой, освещено умным и лукавым выражением больших серых глаз, все это у Захара было грубее, топорней, мутнее, лишено живинки. У Павлуши все говорило, что это человек-созидатель, у Захара,— что это человек-потребитель.

Но если не предъявлять человеку требований духовного роста и приумножения способностей в труде, Захар Кузнецов был вовсе не плохим рабочим: не имел за двенадцать лет тяжелой работы на коксовых печах ни одного прогула и взыскания, что объяснялось отчасти его нечеловеческим здоровьем, а больше — пониманием собственной выгоды. Он был необыкновенно ловок и изворотлив, когда возникала возможность выпить и погулять за чужой счет, но и сам был не скуп, имея для этого тем большую возможность, чем легкомысленнее год от года смотрел на свои обязательства по отношению к семье, привыкшей крутиться на хвостах от его заработка.

Люди больше склонны судить друг о друге по бросающимся в глаза внешним признакам, чем доискиваться истинных мотивов человеческого поведения. И Захар Кузнецов числился не то чтобы на хорошем, а на обычном счету у начальства, то есть на таком счету, который открыт для многих рядовых тружеников, лишенных, может быть, недостатков Захара, но имеющих другие, свои недостатки. А в широком мужском кругу товарищей по цеху Захар слыл за «своего парня», то есть тоже, как многие. Про него говорили: «Любит хватить лишку, но умеет и поработать».

И это свое постоянное, закрепленное за ним в жизни положение как бы одного из представителей рядового, трудового множества, из которого вышли и выходят вперед и наверх люди, подобные Павлуше, Захар использовал так же, как и свое старшинство, для морального давления на младшего брата. Использовал в том смысле, чтобы Павлуша, как младший в семье и выбившийся в люди, всегда чувствовал себя обязанным перед Захаром, перед отцом, перед всей родней. А всякое проявление независимости Павла в том, чтобы уклониться от удовлетворения прихотей отца или брата, Захар истолковывал не только как неблагодарность по отношению к родне, а как

См. «Огонек» № 42.

отрыв от массы, его породившей, как стремление выйти в «начальство».

Так было и в этот вечер.

Павлуша умел выпить во-время, но пристрастия к вину у него не было. Тина любила, когда он выпивал, даже когда он «перебирал» немножко; он сразу добрел, начинал виновато улыбаться, крутить головой и все повторял: «Ох, я что-то закосел!» И был необыкновенно ласков, когда они оставались вдвоем. А теперь он хитрил перед отцом и братом, рассчитывая наутро успеть к плавке Нургалиева. Они заметили это и напали на Павлушу, будто он их стыдится. Захар все время тыкал пальцем в закрытую дверь на балкон.

Разговор сразу перешел на то, что Павлуша мало высылает денег отцу; что он не достал жившей замужем в Куйбышеве больной сестре, самой старшей, путевки в Кисловодск, хотя мог бы сделать это через обком металлургов, членом которого был избран весной; что он, Павлуша, используя для себя хорошее отношение начальника орса, не делает ничего, чтобы это хорошее отношение начальника орса распространилось и на Захара. И много еще обвинений предъявили они Павлуше, который отшучивался с той ловкостью, которая показывала, что в этих обвинениях есть доля правды.

Когда отца уложили, Захар все еще пытался укрепиться на излюбленном коньке, но Тина видела, что он хочет получить еще водки, чтобы подольше не уходить. Тина делала вид, будто не догадывается, тогда Захар начал издеваться над ее именем и над ее белорусским произношением.

— Христя, тащи свою пал-литровку! — кричал он.— Скупишься, Христя? Эх ты, Христя Борозна!..

Настоящее имя ее было Христина, и в родной семье ее звали Христей. Она сама не знала, где подхватила уменьшительное Тина, должно быть, оно как-то само собой зародилось из городского воздуха. В ремесленном училище многие из ее подруг, родом из деревни, меняли свои имена: Васса тоже когда-то была Василисой.

Отец Тины, Лаврен Борозна, как и его отец и дед, смалу бродил с деревенскими плотницкими артелями по помещичьим фольваркам и малым городишкам, а после революции — по совхозам и вёскам, пока великое строительство не призвало и не поглотило всю их славную профессию, исконную на Великой и на Белой Руси, богатой лесами. На строительство Сталинградского тракторного Борозна забрал с собой двух сыновей-подростков, а когда его перебросили на «Большестрой», сыновья уже самостоятельно работали в бригадах. Здесь-то старого плотника при выдаче паспортов окончательно перевели с белорусского на русский — Лаврена на Лаврентия, а Борозну на Борознова: его давно уже писали так в ведомостях на заработную плату, и милиции так было удобней, а ему все равно.

И все они стали Борозновы.

Их район на Витебщине граничил с Смоленской областью. Тина, как и все Борозновы, с детства равно говорила по-белорусски и по-русски. Но белорусское произношение было в ней неистребимо. При ее внешности, долго сохранявшей черты детскости, это придавало русской речи в ее устах особенную прелесть.

Захар же, нарочито огрубляя ее говорок, сочинял замысловатые фразы, сводившиеся все к тому же требованию водки.

— Эх, памог бы я табе, Хрыстенька, пашов бы это я, пастаяв бы это я у очереди, да усё ж таки прыдется табе, Хрыстенька, самой узять нам пал-литровочки,— говорил он и, так как она молчала, добавлял с каким-то уже совсем бессмысленным вывертом: — Директарр! Секретарр! Знаэш? Панимаэш?.. Эх ты, Христя Борозна!..

Тине обидно было, что Павлуша, так ловко отбивавшийся от направленных на него нападок, теперь почти засыпал за столом и вместо того, чтобы прогнать Захара, насильственно улыбался его шуткам над ней.

Все-таки она не дала водки Захару, но он сам прошел на кухню и отыскал в стенном шкафчике под окном остатки от уже третьего пол-литра.

Боже мой, как безобразно выглядело все вокруг, когда они наконец разошлись!

Тина отдернула шторку, распахнула дверь на балкон, и, как ни душна была ночь, она хлынула в комнату, пропитанную запахами табачного дыма, водки и пищи, внезапной свежестью с озера, сильным ароматом цветов с клумб во дворах, дальними, просторными запахами южноуральской степи. Тина собрала консервные банки, столовую, чайную, винную посуду с воткнутыми куда ни попало окурками, вымыла, перетерла, убрала посуду, сняла скатерть, залитую борщом и портвейном, начисто вытерла клеенку и подмела пол. И на все это ушло еще около часа времени.

Но она знала, что даже при распахнутой на всю ночь двери на балкон запах табака не выветрится до утра. А когда проснется Федор Никонович, он и еще добавит. А Захар, который будет приходить теперь каждый день, и уже без жены, тот будет посылать Тину за папиросами, потому что он ни за что не станет в павлушином «богатом» доме курить папиросы, купленные на его, захаровы, деньги. Так и будут стоять эта столовая, и кабинет, и кухня пропахнувшие табаком, пока Федор Никонович, погостив у младшего сына, не переедет еще к одному из своих четырех сыновей или к одной из своих пяти дочерей, разбросанных по разным концам советской земли.

V

Она всегда спала крепко, недвижимо, не видела снов. Тоненькая, она становилась тяжелой во сне, сразу уходила под воду на дно, как драгоценный камешек.

Едва она заснула, как ее разбудил Алешка. Он давно уже напустил в кроватку, а перед утром, при открытом окне, ему стало холодно, и он заплакал. Тина, не в силах проснуться, убрала со своей груди руку мужа, заставила себя открыть глаза и, выпростав ноги из-под простыни, вынула Алешку из кроватки, сменила ему рубашонку и подставила горшочек. Старший мирно спал на боку, слегка закинув голову, выпятив сильную, не по возрасту выпуклую грудь,— этого уже ничто не разбудит до шести.

Пока Алешка, сопя и похныкивая, справлялся со своими делами, Тина перевернула ему перину — пусть уж так побудет до утра — и переменила простынку. Алешке стало хорошо в кроватке, он разгулялся и начал поигрывать на губах и издавать более или менее сложные возгласы, заменявшие ему человеческую речь. Но Тина уже не слышала его, мгновенно ушла в сон.

Как ни крепко она спала, она не нуждалась в будильнике; должно быть, ее заботы и обязанности продолжали жить с ней во сне. Было ровно без четверти пять, когда она вскочила. По материнской выучке она с детства не давала себе утром ни минуты поблажки. Тина сняла, аккуратно свернула и положила под подушку рубашку, в которой спала, набросила розовый халатик в сиреневых цветочках и, уже на ходу завязывая сбоку кончики пояска бантом, прошла на кухню.

Тина никогда не убегала от всех этих однообразных дел, незаметно ставших за пять лет содержанием ее жизни,— нет, она все делала быстро, ровно, споро. Она сразу же включила газовую конфорку и поставила чайник, неполным, чтобы быстрее вскипел. Еще с вечера, пока они там пели и пили, она подсушила полную сковородку гречневой крупы; теперь Тина высыпала крупу в кастрюлю, промыла в нескольких водах и, когда чайник вскипел, включила вторую конфорку, поставила вариться кашу и долила чайник. Достала из шкафчика в стене под подоконником, заблаговременно, еще вчера перед обедом, отлитые в расчете на утро и только для Павлуши, полкастрюльки густого, жирного, с большим куском мяса борща и кусок сырой баранины, завернутый в глянцевую бумагу.

Вчера вечером, когда Тина второй раз ходила за водкой, она увидела, что в гастрономе продают расфасованную баранину. И так удачно получилось: только Тина вошла, как баранину стали выкладывать на прилавок, и Тина одна из первых попала в очередь.

Тина поставила кастрюльку с борщом на третью конфорку, а кусок баранины выложила на кухонный столик и накрыла перевернутой глубокой тарелкой, чтобы увивавшийся у ее ног сибирский кот Прошка, с пушистым хвостом — отрадой детей,— не утащил мяса.

Как Тина и рассчитала, в ее личном распоря-

жении еще оставалось десять минут — принять душ и умыться.

Она прошла в ванную комнатку, включила газ, и пламя зашумело под колонкой. Ранним утром всегда бывал хороший напор воды. Тина надела синий резиновый шлем, скинула халатик и сразу забыла, что она недоспала. Она вдруг почувствовала, какая она еще молоденькая, гибкая, а не хрупкая, и ей вспомнилось, что привычку принимать душ по утрам она усвоила еще в ремесленном училище. В дни войны штатная должность инструктора по физическому воспитанию редко бывала замещена, и девушки проделывали утреннюю зарядку всем коллективом, без руководителя. Когда Тина вышла замуж, ей показалось неловким делать утреннюю зарядку перед мужем, тем более что она скоро забеременела, но душ она принимала каждое утро.

Быстрыми сильными движениями ладоней она растирала гибкие свои руки и груди, сильно развитые по ее тонкой фигуре, и живот, с двумя симметричными родинками как раз пониже перехвата талии, и ноги, которые казались тонкими, как у девочки, пока выглядывали из-под халатика, а теперь видно было, что это ноги вполне развитой женщины, матери двух ребят, но еще очень, очень молодой. Тина изгибалась под душем, тепловатая вода обрушивалась на ее головку в резиновом шлеме, и на лицо с зажмуренными глазами, и на все ее белое сильное тело.

Каким прекрасным казалось ей такое далекое, далекое время до замужества, когда она училась в ремесленном, когда жизнь так много сулила ей всего, всего!.. Сейчас, конечно, что уж об этом думать, но мальчишки заглядывались на нее. Ей даже казалось, будто Коля Красовский... конечно, об этом не стоило сейчас и вспоминать. В ученье она шла впереди многих, не только девушек, а и ребят. Она отставала в теории, а на производстве шла одной из первых. Мастер говорил, что у нее все данные стать отличным токарем-универсалом.

Из училища ее выпустили по пятому разряду в то время, как обычным для выпускников был четвертый, но очень скоро она получила шестой. Ее и Вассу поставили не на грубую работу по обдирке новых валков, а на восстановление калибров, или, как их обычно называют, ручьев на срабатывающихся валках, и нарезание ручьев на новые валки — работу, требовавшую особенной точности и тонкости именно для проволочного стана.

Семен Ипполитович, старший калибровщик, любил смотреть, как Тина работает, и добродушно подшучивал над ее молчаливой и серьезной старательностью. Хорошо еще, что Тина не краснела от природы: ей казалось, будто Семен Ипполитович знает ее историю в парикмахерской в «Соснах» — от жены, Олимпиады Ивановны...

Тина вспомнила, с каким чувством обреченности сидела она тогда в парикмахерской, а теперь все это казалось смешным.

Тетя Соня, в несвежем халате, грузная, отрезала Тине косы и, подравнивая волосы ножницами и гребнем, сказала своим решительным голосом:

— Хочешь перманент-полугодовик? Или цвет изменить?

Тина с ужасом представила, как она входит в общежитие с черными волосами.

— Нет-нет! — сказала она испуганно.

— И я тебе не советую. У тебя такие волосы — мальчишки будут без ума. Давай я просто вымою тебя шампунем!

— А с мылом нельзя? — робко спросила Тина.

— Не будь дурочкой! — без гнева сказала тетя Соня, схватив розовой рукой, так близко отразившейся в зеркале, что видны стали поры кожи, склянку с красивой этикеткой.— Шампунь — это и есть мыло, только жидкое.

— Я не хочу шампунем, я лучше дома вымою...

— Смотрите, чудачка! — сказала тетя Соня, обращаясь к другим женщинам-парикмахерам и клиенткам, сидевшим с тюрбанами на голове или с торчащими во все стороны витыми рожками.

И все в парикмахерской посмотрели на Тину. А полная дама, уже в возрасте, холеная, белая, белокурая, с умными веселыми глазами, сказала очень широко, нараспев, очень по-русски:

— А правда, хорошо иногда самой вымыть волосы, я ей просто завидую, я уже лет десять, как этого не делала!

Вокруг засмеялись. А маленькая, пожилая, молодящаяся мастерица перестала делать полной даме маникюр и склонила голову на руку, будто не могла даже работать, так ей стало смешно:

— Ох, уж вы скажете, Олимпиада Ивановна!

Тетя Соня, обдав Тину жаром большого своего тела, сказала так, как говорят о присутствующих знаменитостях — пониженным голосом, только фамилию:

— Короткова...

Все так называемые простые люди всегда отлично знают все о жизни своих начальников. Тина, будущая работница на вальце-токарном станке, знала, что старший калибровщик проката во времена стародавние, когда учился в институте, женился на молоденькой девушке — уборщице студенческого общежития. Это и была Олимпиада Ивановна, самая нарядная и самая известная дама в Большегорске.

В те стародавние времена Семен Ипполитович помог жене получить среднее, а потом высшее образование, но Олимпиада Ивановна нигде не работала; детей у них не было: похоже было, что Семен Ипполитович образовывал жену для самого себя.

Вся их история, как ни давно это случилось, вызывала в людях живой интерес, в особенности потому, что Семен Ипполитович продолжал любить свою жену, а люди любили Семена Ипполитовича. Его любили за то, что он был добр и прост в обращении. А вальцовщики и токари, нарезавшие калибры на валки, любили его еще и за то, что, будучи выдающимся специалистом в своей области и не обладая никакой административной властью, он охотно помогал любому работнику из одной лишь любви к делу.

Каким недостижимо высоким, как будто с тех пор Тина сползла в темный, вязкий низ жизни, встал в ее памяти день ее торжества, когда она и Васса пробились наконец к Бессонову! Валентин Иванович Бессонов, бывший начальник их цеха, выделялся среди инженеров глубоким пониманием роли тех незаметных специальностей, которые призваны обслуживать металлургическое производство. Став главным инженером завода, он стал главным покровителем работников всех этих специальностей, и они потянулись к нему.

— Кто из нас, металлургов, всегда ходит в именинниках? Кому присуждают лавры? О ком пишут газеты? Кем козыряют на конференциях секретари горкомов, обкомов? — говорил Бессонов.— Конечно, сталевары, доменщики! Эффектные специальности! Нас, прокатчиков, и то прославляют пореже. А об остальных молчат, либо ругают... Как бы мы жили, например, без фасонно-литейного, кузнечного, механического, котельного цехов? Без заводов огнеупора, доломитовых печей, известковых карьеров? А доводилось ли хоть кому-нибудь прочесть об этих работниках хоть одно доброе слово в газете?.. Хорошо энергетикам: о них в печати молчат, зато и дома не ругают. А, например, об агломератчиках, рудообогатителях, коксовиках в газетах не пишут, а дома их ругают беспрерыв. Кто же доволен своей рудой, агломератом, коксом? На них можно валить все на свете, ими можно прикрыть все свои пороки. А транспортники! На заводах их всегда и безусловно только ругают. Или ремонтники! Нет им ни славы, ни забвения! Все их костят, а слава... О них молчат! Молчат газеты, молчат даже секретари парткомов на заводах. Почему? Уж больно дело-то привычное, русское: чинить то, что другие ломают, и все с помощью ломика и кувалды!.. А ведь есть еще водоснабженцы, водопроводчики, целое водное хозяйство — о них и вспоминают-то только во время аварии!

Про Бессонова говорили: «Чем больше кипит, тем меньше руками болтает». И правда, большое лицо его всегда спокойно, жесты полных рук всегда скупы. Одет он всегда безукоризненно чисто. Он говорил: «Чем чище инженер одет на производстве, тем лучше следит за чистотой в цехе». Но он был горяч, и его выдавал голос — не тихий, не бархатистый, какого можно бы ожидать по внешности, а громкий, резкий, точно осуждающий, даже когда Бессонов хвалил.

Девушки пробились к Бессонову летом первого послевоенного года — трудного года для большегорского проката.

Горы слитков росли перед блюмингами, но еще больше отставали сортовые станы,— склады уже не вмещали заготовок. Участились вынужденные простои станов из-за поломок и аварий, ремонтные бригады не справлялись в отпущенные им сроки.

В каждом вынужденном простое прокатчики обвиняли ремонтников в «некачественном» ремонте, литейщиков и токарей — в нестойкости валков, а те, в свою очередь, обвиняли прокатчиков в неумении настраивать станы и ритмично работать на них.

И вот в то время Тина и Васса пришли к Бессонову со своим предложением.

Почему плохо работают станы? Потому что за ними плохо ухаживают. Надо, чтобы за станами с одинаковой старательностью ухаживали и те, кто на них работает, и те, кто обслуживает станы. Нельзя ли объявить соревнование между станами, чтобы не было вынужденных простоев, такое соревнование, в котором социалистические обязательства приняли бы на себя и прокатчики, и ремонтники, и все другие специальности, обслуживающие станы?

Тина вдруг увидела, каким светом брызнули черные глаза Бессонова.

— Вы, девушки, даже не понимаете до конца, что вы надумали! — сказал он.— Только что Иннокентий Зосимович (так звали директора комбината Сомова), только что Иннокентий Зосимович кричал на меня: «Прокатчики! Если не найдете выхода из положения, смоем вас с лица земли лавиной жидкой стали!..» Он же сталеплавильщик!.. Мы сейчас совершенствуем наши станы, внедряем автоматику, ищем стойкие чугуны для валков. И вы как раз ко мне на выручку. И вы правильно сказали: «Ухаживать...» Вот именно, ухаживать, всем, всем ухаживать!.. Мысль эта не случайно родилась среди женщин,— вдруг сказал Бессонов.— Женщина-хозяйка с ее аккуратностью выработала в себе многовековой опыт, как ухаживать за вещью, когда вещь в ходу,— вовремя ее чистить, чинить, заделывать любой изъян, когда он еще еле заметен, не допускать преждевременного износа. И я даже знаю, кому из вас первой пришла в голову эта мысль,— сказал он с тонким выражением в черных живых глазах.— Конечно, вы это вместе обмозговали, я понимаю, но она первая это придумала,— и он кивнул на Тину,— правда?

— Правда! — сказала Васса, показав в улыбке белые сплошные зубы, и насмешливо покосилась на подругу.— Откуда вы узнали?

Он улыбнулся и ничего не ответил. Тина поняла: он не хотел обидеть Вассы.

Оттого, что Васса была постарше, общительней, а главное, во всех трудных случаях жизни вырывалась вперед, многие думали, что в их успехе на производстве тоже повинна Васса. На самом же деле при неистощимой энергии Васса была изменчива в настроении, все делала рывками, многое вертелось в ней самой и вокруг нее без ясной цели.

А о характере Тины многие судили ошибочно только потому, что и в жизни и в работе решения, поступки вызревали в ней медленно, незаметно. У нее был природный здравый смысл, привитый с детства, но она не умела взвешивать, обдумывать со всех сторон, это совершалось в ней само собой, больше в чувствах, чем в мыслях. А когда это вызревало, она действовала последовательно и не отступала от того, что нашла.

В работе ей присуща была спорость, именно спорость, а не скорость, то есть методичность, тот отчасти природный, отчасти выработанный в сноровку расчет, при котором дело идет ровно, ритмично, всегда завершается во-время и успешно,— этакая не суетливая, не броская, но постоянная удачливость. При расчете на большое время работники такой складки, как Тина, дают неизмеримо больше, чем скоростники на час. Спорость в производстве — это наиболее организованный, наивысший вид скорости.

Но Тина могла так работать, если условия труда не менялись. При срывах, авариях она не была находчивой, терялась. И она не умела постоять за себя: могла не уступить, но и не добиться.

И вот тут-то в дело вступала Васса. Васса

выполняла обязанности профорга вальцетокарной группы всего проволочно-штрипсового цеха. Когда она находилась в движении,— а она всегда находилась в движении,— ее резко обозначенные черты лица и тела так ловко увязывались самой природой, что все казалось в ней гармоничным.

Стремительная, она не идет, а несет себя через весь цеховой пролет, сквозь его дымчатый синий воздух, несет сверкающие свои глаза, выставленную грудь, красивые руки, мощные бедра, оставляя за собой вихрь от одежды, и все мужчины невольно оглядываются на нее. И вот она уже наступает на обер-мастера,— а на него можно наступать,— это не старый мастер с очками на носу, какого в наши дни можно встретить чаще в художественных произведениях, это современный молодой мастер с высшим образованием. Васса теснит его своими черными глазами, громким голосом, и у молодого обер-мастера на лице примерно такое же выражение, какое могло бы быть и у старого: «Нет, ты не девка, ты дьявольское наваждение, и если не пойти тебе навстречу... нет, нельзя не пойти тебе навстречу!..»

А потом с женщинами в душевой Васса хохочет так, что только ее одну и слышно, и белые зубы ее сверкают среди падающего дождя...

Тина выключила газ и воду, сняла шлем и вытерлась насухо большим мохнатым полотенцем. Но она уже не испытывала того чувства молодости и обновления, с каким вступала под душ. Воспоминание о том времени, когда ей было всего лишь девятнадцать лет, когда она была независима и полна надежд, получила признание и уважение людей, говорило ей о том, какой она могла бы быть теперь, если бы не бросила все ради мужа и семьи. Дружба ее распалась, лучшая подруга нашла новых друзей и вместе с ними идет по большой дороге жизни в то время, когда она, Христина Борознова, убирает объедки за свекром и Захаром.

Тина надела халатик и пошла будить Павлушу, не в силах преодолеть смутного враждебного чувства к нему. Да, давно ушли те времена, когда она, прильнув всей грудью, почти навалившись на Павлушу, будила его частыми, мелкими поцелуями на все его доброе заспанное лицо, а он просыпался с улыбкой и большие руки его брали ее в плен,— ей нужно было отбиваться, чтобы закончить стряпню. Теперь она всегда чувствовала себя такой занятой и озабоченной, а он тоже больше уставал, позже ложился, просыпался с трудом.

Тина положила ему руку на плечо и несколько раз мягко позвала его, пока он не начал приоткрывать то один глаз, то другой и не потянулся. Как большинство мужчин, он никогда не мог встать сразу, а минут десять еще обманывал себя, и эти минуты Тина включала в свой утренний расчет времени.

Она вернулась на кухню, сдвинула кипевший чайник, поставила сковородку, чтобы по-

догрелась, сдвинула закипевший борщ и поставила молоко. Потом отсыпала манной крупы для ребят и начала жарить баранину. Попутно она выставила на кухонный столик для Павлуши столовый и чайный приборы и полную на полтораста граммов стопку портвейна.

Тина слышала, как Павлуша одевался, бренчал чашечкой для бритья, мылся,— она все время помнила, что ему нужно успеть к плавке Мусы. Но когда он вошел на кухню, еще без пиджака и в туфлях, немного озабоченный, но свежий и, как всегда, расположенный к домашнему разговору, Тина вдруг спросила:

— Не можешь мне узнать, не в отпуску ли Рубцов? Хочу зайти, поговорить...

Рубцов был начальником недавно созданного объединенного вальце-токарного цеха, где работала теперь Васса.

Павлуша сразу понял, почему Тина заговорила о Рубцове, угрюмовато взглянул на нее, молча выпил портвейн и принялся за борщ.

— Я знаю, чего ты боишься,— сказала Тина.

— Не того, что ты думаешь, а я тебя жалею,— сказал он.— Не хочу, чтобы ты походила на Шурку Красовскую.

Жена Красовского Шура, секретарь комсомольской организации своего цеха, работала диспетчером на коксохиме и вела весь дом Красовских. На Шуре лежали заботы о ребенке — девочке восьми месяцев,— о матери Коли, которая уже года полтора как не могла ходить, а только сидела или лежала, и о младшей сестренке Шуры, ученице четвертого класса, жившей вместе с ними. Красовские были женаты всего лишь два года, и за это время Шура заметно для всех подалась и подурнела. Но она и слышать не хотела, чтобы оставить работу в диспетчерской, хотя секретарь комсомола в цехе полагался освобожденный, платный.

У Тины было двойственное отношение к жене Красовского. В глаза она ее жалела, а Павлуше часто говорила, что Шура — гордячка, хочет показать себя. Поэтому, когда Тина заводила речь о работе, Павлуша охотно приводил в пример Шуру Красовскую. На этот раз он получил ответ неожиданный.

— Конечно, тебе бы больше хотелось, чтобы я походила на захарову Дуньку,— сказала Тина.— Вам, Кузнецовым, видно, это больше нравится!

В первый раз она пошла на то, чтобы затронуть родню Павлуши.

— А ты разве не Кузнецова? — спросил он с лукавой усмешкой.

— Кузнецова прислуга! Если бы мы оба работали, могли бы няньку взять...

— Чтобы над нами смеялись? Мы с тобой рабочие люди, нам нянек не положено. И попробуй найти няньку у нас в Большегорске!

— Ты так прославился, что у тебя и в детский сад возьмут.

— А ты отдашь?

Так началась их ссора...

Никогда еще Тина не испытывала такого щемящего чувства любви к мужу, как теперь, когда видела его уходящим по улице в толпе вместе с Вассой и Соней Новиковой. И никогда с такой силой отчаяния не сознавала она своего ужасного поражения в жизни.

Перед Тиной в будничной простоте проходило ежедневное и доступное всем торжество людей, которое можно было определить словами, тоже простыми: люди идут на работу. А она, Тина, уже не могла быть участницей этого торжества. Она не только не была равной среди женщин, где когда-то была среди первых, но все эти женщины и мужчины, которые шли на работу с ее мужем, становились в положение более высокой близости к нему, чем она, Тина. Отдав и подчинив ему себя, она уже не могла быть так близка к нему, как те, кто был равен с ним и не зависим от него.

Тина вернулась в столовую, разняла ссорившихся детей и увела их на кухню. Но она не видела, хорошо ли они едят, не слышала их лепета.

«Как все это получилось? Как я пошла на это? С чего это началось?» — спрашивала она себя и боялась и стыдилась ответить.

И в это время она услышала в передней низкий кашель и мокрый, тяжкий звук босых ступней Федора Никоновича.

День домашней хозяйки входил в свои права.

(Окончание следует).

Выдающийся венгерский поэт

Венгерская поэзия сыграла большую роль в жизни и освободительной борьбе народа, поэтому юбилеи выдающихся поэтов всегда становятся в Венгрии национальными праздниками.

Недавно исполнилось четыреста лет со дня рождения замечательного венгерского поэта Балинта Балашши. В эту знаменательную дату народ отмечает одновременно и рождение своей письменной поэзии, основоположником которой был Балашши.

Балинт Балашши родился в 1554 году в богатом родовом поместье. Казалось бы, он мог жить безбедно и счастливо. Однако в Венгрии в то время шла борьба против турецко-австрийского ига, осложнявшаяся к тому же постоянными междоусобицами феодалов. И Балашши с молодых лет изведал все превратности воинской судьбы. Он воевал с турками, принимал участие в походе австрийского императора против властителя Трансильвании Иштвана Батори (Стефана Батория), попал в плен. Будучи в плену, он вошел в придворный круг гуманистов и позднее, когда Батори стал польским королем, переселился в Польшу. Там Балашши пополнил свое гуманистическое образование, начало которому было положено известным реформатским проповедником и поэтом Петером Борнемиссой. Вернувшись на родину, Балашши поселился в Эгере, но столкновение с католической церковью вынудило его снова бежать в Польшу.

Балинт БАЛАШШИ. С гравюры конца XVI века.

На чужбине его постоянно мучила тоска по родине, и, когда в Польшу пришла весть о том, что венгры вступили в войну с турками, Балашши вернулся домой и одним из первых устремился на штурм башен Эстергома. В 1594 году певец воинской отваги и любви, большой венгерский поэт пал смертью храбрых, сражаясь за отчизну.

Человек с буйным нравом и трудной судьбой, Балашши всю жизнь был верен лишь одному: любви к отчизне.

Балашши был настоящим борцом и в поэзии и в жизни, самые счастливые годы свои он провел среди порубежных солдат, в крепостях, которые были прочными заслонами против турок. В этих пограничных крепостях собирались воины различных национальностей, и там вместе с венгерскими слышались украинские, польские, словацкие и хорватские народные песни, оказавшие очень плодотворное влияние на творчество Балашши.

Патриотическая лирика Балинта Балашши — выдающееся достижение европейской поэзии того времени. В венгерской литературе он первый глубоко выразил национальное самосознание, которое из-за вековой борьбы против чужеземных захватчиков складывалось в стране еще до того, как окончательно сложилась нация. Конечно, личные интересы помещика-землевладельца играли немалую роль в развитии патриотических чувств Балашши, но в самой его поэзии они объединялись с борьбой народа, сплетались с любовью к родной земле, к ее природе, к ее защитникам — порубежным солдатам. Балашши воодушевлял своих товарищей по оружию в их боевой жизни и описывал ее с тонким художественным реализмом.

Любовная лирика Балашши проникнута подлинным чувством. И не случайно церковь на протяжении нескольких столетий преследовала его любовные стихи: ведь в них природа выступала во всей мощи своей красоты, служа счастью человека, и вовсе не представлялась «юдолью печали». Более того, даже религиозные стихи Балашши — только они и печатались в XVII—XVIII веках — тоже были проникнуты верой в возможность счастья на земле.

И как ни старались буржуазные литературоведы в согласии со своими католически-космополитическими взглядами отрицать национальную самобытность стихов Балашши, им это не удалось. Народ Венгрии, строящий социализм, чествует сегодня своего первого большого национального поэта.

А. ГИДАШ

Во хвалу весны

Балинт **БАЛАШШИ**

Праздник весенний, веселый, сияющий,
Воздух, здоровьем людей насыщающий,
Ветер, в далеком пути облегчающий.

Розы раскрыл ты для благоухания,
И соловьев ты нарушил молчание,
Лесу блестящее дал одеяние.

В честь твою блещут поляны цветистые,
Воды сверкают прозрачные, чистые,
Кони играют гривастые, быстрые.

Носятся, ржут они, неугомонные,
Помолодевшие и обновленные;
Щиплют росистые травы зеленые.

И порубежники, витязи доблести,
Оберегая далекие области,
Тоже исполнены радости, бодрости.

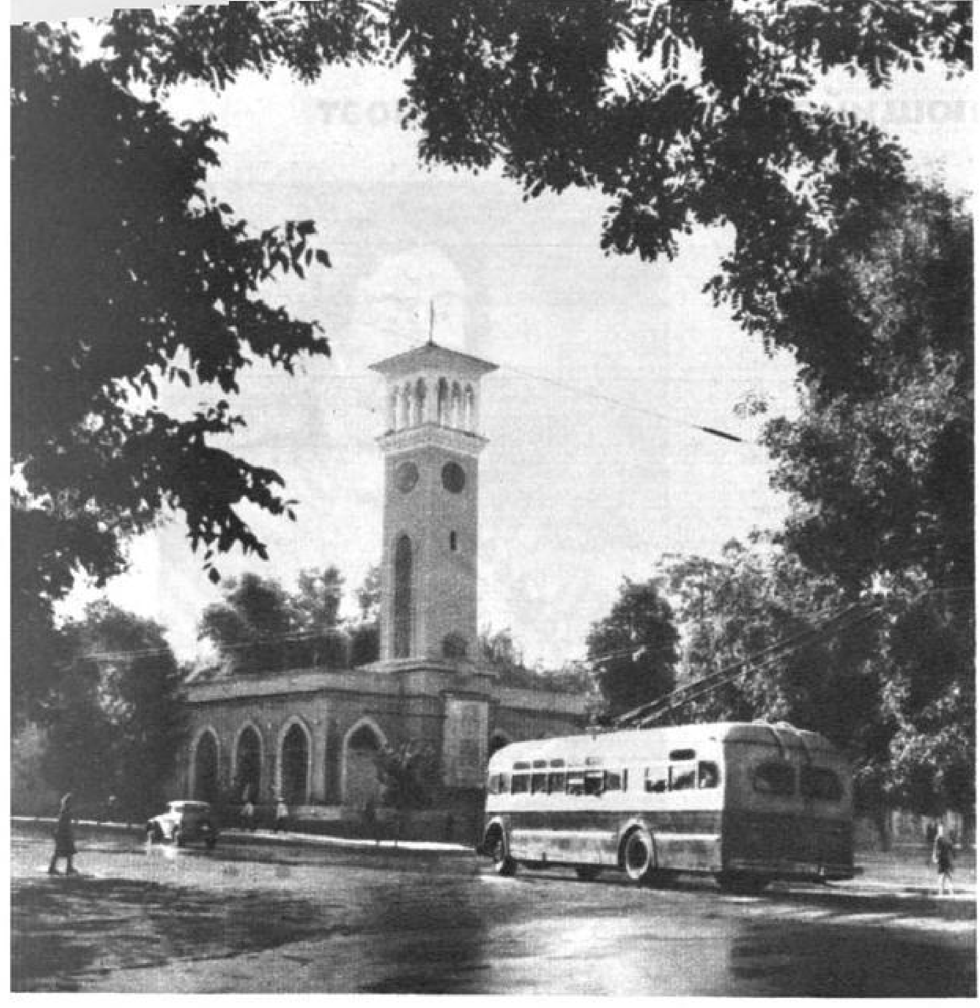
Заняты делом они и забавою:
Кто начищает оружье кровавое,
Кто объезжает коня за заставою.

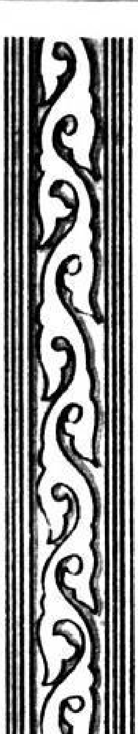
Все обновляется, преображается.
Дальние дали от мглы очищаются,
Твари земные от сна пробуждаются.

Небу хвалу возглашает все сущее.
Мирно и дружно друг с другом живущие,
Праздник мы празднуем. Время
цветущее!

1583.

Перевод с венгерского Леонида **МАРТЫНОВА.**

ТАШКЕНТ — САМАРКАНД

Я. ФОМЕНКО Фото Я. РЮМКИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Куранты на башне отсчитали семь утра — время пробуждения городских улиц.

Шумный Ташкент в эту пору выглядит притихшим. Вдоль тротуаров стоят огромные платаны, вязы и тополи. Длинные тени падают от них на асфальт и будто приглушают звуки. Мягко шелестя, проплывают первые троллейбусы, катят автомашины.

Проходит полчаса — и, точно по уговору, отовсюду на улицы высыпают школьники. Вслед за школьниками гурьбой идут студенты.

...В канун 30-летия Узбекской республики мы возвращались из поездки по ее молодым городам. Впечатление юности, оставшееся после посещения новых городов, окрепло под влиянием ташкентского утра, шума и оживления у парадных входов школ и Среднеазиатского государственного университета. Древний город, столица Узбекистана, показался таким же юным, как его младшие братья — Чирчик и Ангрен.

Только вчера мы видели трубы Чирчикского электрохимкомбината. В его цехах вырабатывают... урожай: извлекают из воздуха азот для удобрения земли. Химиков снабжают электрическим током станции Чирчикского энергетического каскада. Первая из них, Бозсуйская ГЭС, пущена в 1926 году, когда страна трудилась над ленинским планом ГОЭЛРО. Потом выросли другие станции, а вместе с ними возникли комбинат и новый город. Электрификация вызвала к жизни новый очаг узбекской индустрии.

В Ангрене сравнительно недавно по угольному руслу текла река в камышовых берегах. Реку отвели в сторону, и начали открытым способом добывать топливо.

...И вот после Ангрена мы прибыли в Ташкент. Здесь, на текстильном комбинате, на нас повеяло бодрой свежестью весны. Яркие рисунки тканей будто сошли с майской цветочной клумбы. В одном из пролетов прядильного цеха подруги поздравляли Зухру Мирхашимову, досрочно выполнившую план. Республика пестует свои кадры и в школах и на недавно выстроенных предприятиях.

Чтобы обойти фабрики комбината, нужно немало времени. Тут в семь раз больше веретен, чем во всем Иране. А давно ли богатый хлопком Узбекистан не имел ни одного современного текстильного предприятия! Первый камень в фундаменте текстильной индустрии был заложен летом 1932 года.

Напоминание о старом Ташкенте лишь подчеркивает разительность перемен в жизни народа. Два процента грамотных три десятилетия назад, а теперь своя Академия наук. Раньше несколько медрессе — духовных семинарий, теперь — тридцать шесть высших учебных заведений с прекрасными лабораториями и кабинетами. Беспросветная темнота и рабство женщины в прошлом и невиданный наплыв девушек в вузы ныне.

Таковы грани, резко отделившие прошлое от настоящего. И так во всем: в хозяйстве, культуре, искусстве — во всех областях труда и быта.

Узбекистан — республика хлопка. Две трети союзного производства... Вдвое больший сбор, чем в Египте... Урожайность в два с половиной раза больше, чем в США, несмотря на то, что узбекская земля расположена на северной окраине мирового хлопкового пояса... Хлопок — главное богатство узбекского народа, предмет его постоянных забот, основной источник материального достатка.

Сорок лет назад весь Туркестан, то есть вся Средняя Азия, собирал около полумиллиона тонн хлопка. За советские годы произошел стремительный взлет кривой в развитии хлопководства. В нынешнем году колхозы и совхозы Узбекистана обязались дать стране три миллиона тонн хлопка. По решению Советского правительства и ЦК КПСС с 1954 по 1958 год производство хлопка в Узбекской ССР должно увеличиться не менее чем на один миллион восемьсот тысяч тонн.

...Высокий мост через Сыр-Дарью. За ним начинается земля, получившая в старину страшное наименование Голодной степи. Шоссе тянется тонкой нитью между Сыр-Дарьей и границей Казахстана. По ту сторону границы Голодная степь переходит в песчаную пустыню Кзыл-Кумов.

Вряд ли где в другом месте с такой наглядностью можно убедиться в чудодейственной силе воды. Не доезжая Мирзачуля, мы свернули вправо и поехали вдоль канала имени Кирова. Первое, что мы встретили, — колхозная электростанция. Она прильнула к дамбе канала, будто в этой близости искала тепло жизни и силу. Рядом — мельница. В колхозной поликлинике — кабинет с высокочастотными приборами для электролечения. От станции вместе с линией передач тянутся арыки. Вода и электричество идут рядом, неся зажиточность обитателям Голодной степи.

От Мирзачуля — центра Голодной степи — шоссе спускается на юг и возле станции Урсатьевской раздваивается: вправо — на Самарканд, влево — на Беговат.

Еще далеко до Беговата, а трубы его заводов маячат впереди, как ориентиры для путешественников.

Возле сталелитейных печей Беговатского металлургического завода можно увидеть инженера Петра Петровича Трофимова, принесшего сюда с далекого Урала русскую индустриальную культуру, и сталевара Баннаба Мирзаматова, в юные годы пришедшего из кишлака Ферганской долины на берега Сыр-Дарьи учиться варить сталь у русских мастеров. Вглядитесь в полную творческого напряжения фигуру узбека-рабочего. Крепка будет приготовленная им сталь!

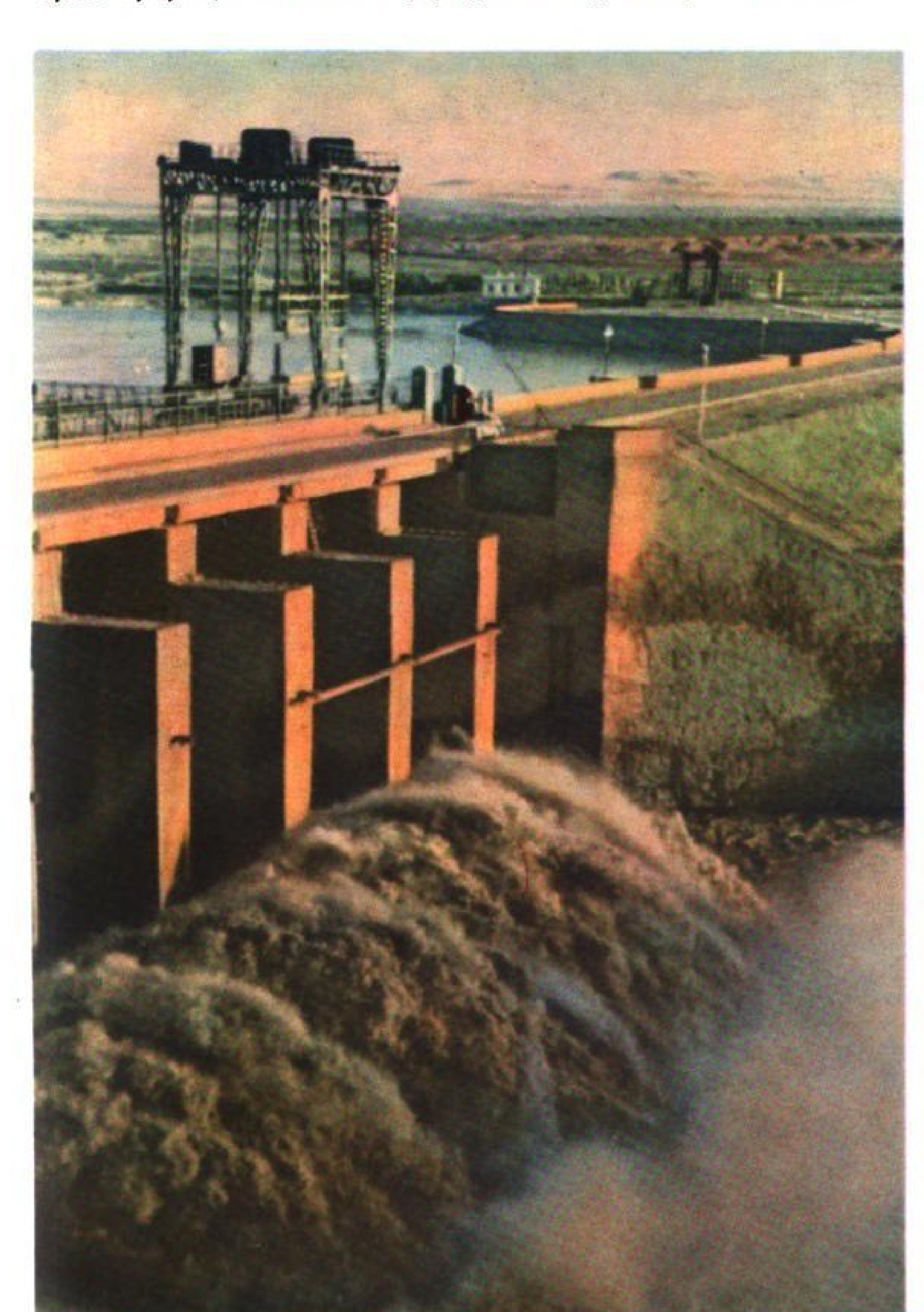
От Беговата шоссе идет через Джизакскую степь. Прямое и ровное, видимое вперед на десятки километров, оно вдруг начинает извиваться змеей, исчезать за крутыми горами и приводит в ущелье с отвесными скалами. По дну ущелья, бросаясь из стороны в сторону, течет река Санзар. Тамерлановы ворота...

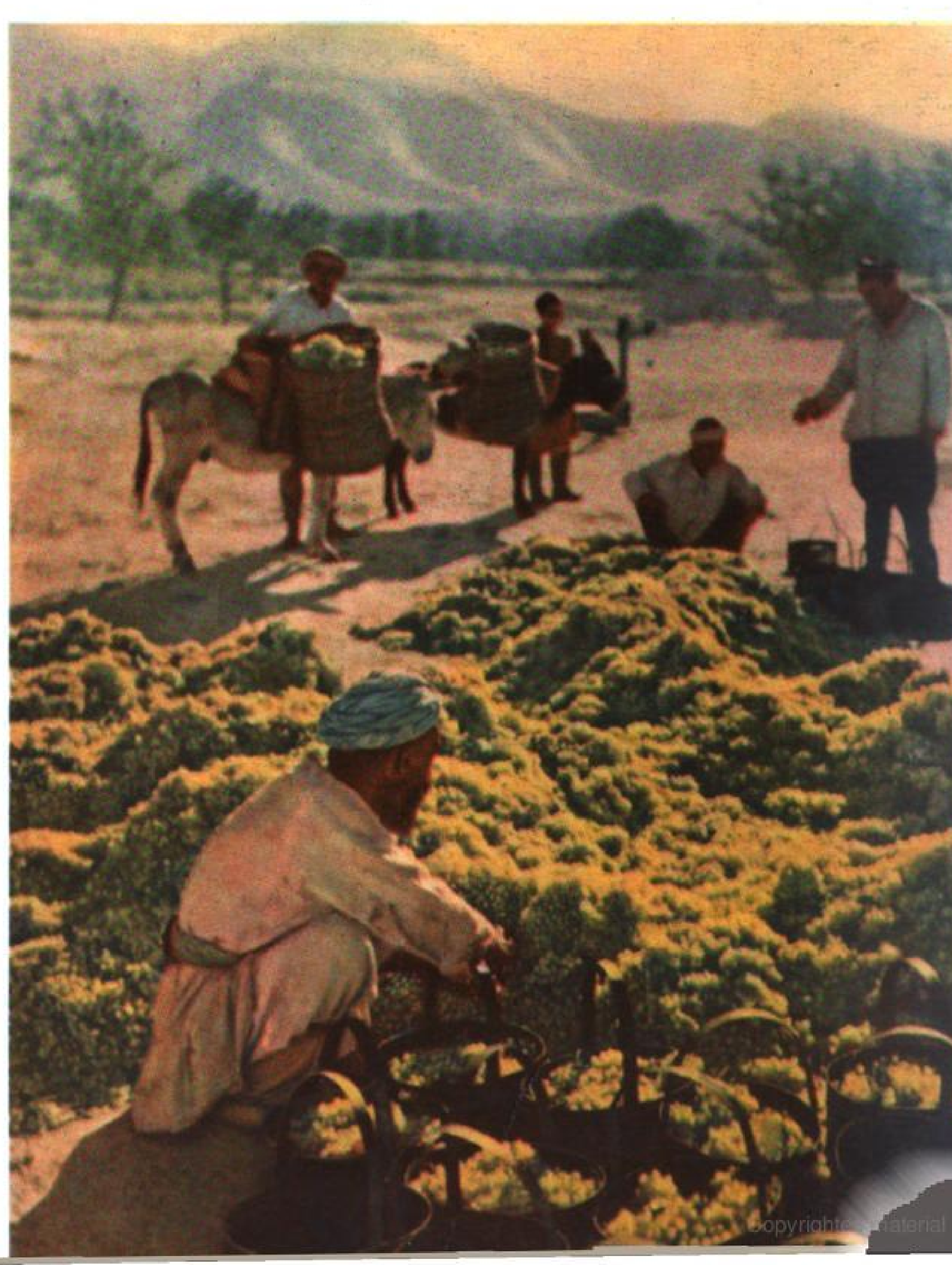
Вид ущелья и его наименование уводят мысль в прошлое. Через эти ворота прошел когда-то жестокий «завоеватель мира» хромой Тимур, неся народам Азии и Европы кабалу и разрушение культуры. Но тут же возникают в памяти другие имена. Узбекская земля родила великого строителя и ученого Улугбека, знаменитого целителя Авиценну и гениального Алишера Навои. В центре Ташкента стоит монументальное здание театра оперы и балета. Благодарные потомки присвоили театру имя великого поэта-гуманиста. Против главного входа в театр открыт фонтан. Он как бы символизирует неиссякаемость творческих сил народа, воспетого автором бессмертной поэмы «Фархад и Ширин».

В своих сказках и легендах народ провидит грядущее. Древняя легенда о Фархаде, мечтавшем перегородить Сыр-Дарью,— прекрасное творение поэтической фантазии. Но еще прекраснее явь, раскрывающаяся перед нами сегодня с высоты фархадских утесов. Часами можно стоять, любуясь бушующими потоками фархадского водослива, и не насмотришься. Быстротечная река, усмиренная потомками Навои, несет свои воды на турбины ГЭС и на земли Голодной степи. Величественна картина торжества человеческого гения!

...За Тамерлановыми воротами — долина Заравшана, плодороднейший Самаркандский оазис. Чем только не радует земледельца этот благодатный край! Пшеница Галля-Арала — Острова зерна — и персики в колхозных садах Комсомольского района. Груша, названная за тончайший вкус «Усладой сердца», и кунжут на богарных землях... Айва и виноград...

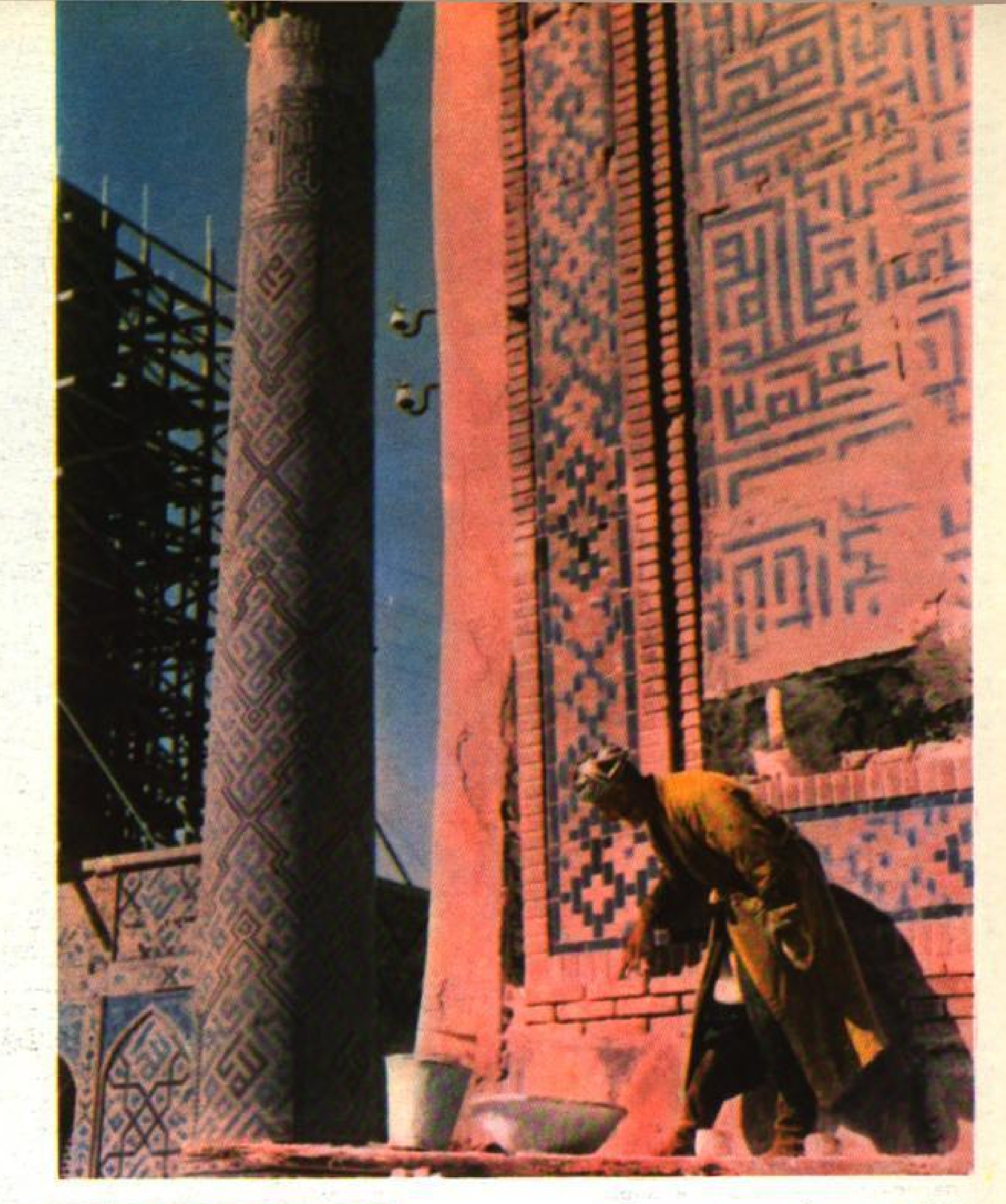
Приезжайте в горный Ургутский район, заверните в колхоз «Пятилетие Узбекистана». Председатель колхоза Хамракул Хакбердыев покажет вам виноградники. Идет сбор урожая и сушка кишмиша. Не удивляйтесь, что вместо машин вы увидите десятки осликов. Пятитонки не могут еще ходить по извилистым тропкам Приалайского взгорья, и послушные, неутомимые ослики переносят на своих спинах десятки тонн сладчайшего в мире кишмиша.

Если экскурсанту доведется в Самарканде сразу попасть в цехи артели «Труд женщин», он поразится сходству керамических орнаментов архитектуры времен Улугбека с узорами шелковых сюзанэ. Только краски тут ярче и свежее. Когда смотришь на работу вышивальщицы Хурам Лукмановой, кажется, что из-под ее рук текут узоры из живых цветов.

...Самарканд изобилует видами восточной старины. Издалека голубеют купола древних сооружений Регистана. Неискушенный приезжий обычно ожидает найти во внутренних двориках медрессе и мечетей Регистана тишину и безлюдье, но наталкивается на каменщиков, почтенных стариков-штукатуров, на инженеров-строителей, химиков и художников. Идут большие реставрационные работы. У одной из стен трудится народный мастер Шамсиддин Гафуров, недавно вернувшийся из Москвы после работы в Узбекском павильоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

←

Самаркандские сюзанэ украшают михманханы—гостиные в домах колхозников — и комнаты детских учреждений. Нам вспомнился детский дом в Ташкенте. В играх детей и в ярких красках сюзанэ цвела радость жизни.

Кроме винограда, фруктов, шелковых сюзанэ, памятников старины, Самаркандская область славится наилучшими в Советском Союзе табаками — дюбеками, самсунами и остролистами. Мы побывали в колхозе имени Ворошилова. Возможно, это — преувеличение, но нам сказали, что шнурами с нанизанными на них табачными листьями здешние табаководы могли бы опоясать земной шар по экватору.

На улице Фрунзе в Самарканде мы снова очутились в окружении детворы. У порога музыкальной школы нас встретили две девочки: Саяра Кабиева и Оля Иванова. Они только что познакомились — и уже неразлучные друзья. У них сегодня первый урок и первая встреча с преподавателем.

Подобное же событие происходило в этот день в стенах Узбекского государственного университета. Вновь принятые студенты знакомились со своими наставниками и совершали экскурсии по кабинетам и музеям. Из кабинета спектрального анализа, оборудованного новейшей аппаратурой, первокурсники вошли в зоологический музей.

Мы влились в одну из групп, чтобы обойти все этажи университетского здания. Нас знакомили со студентами, прибывшими из самых различных уголков республики. Было такое впечатление, что мы заново совершили путешествие по тем местам, где недавно побывали, и нам стало еще яснее, как далеко вперед шагнул узбекский народ по пути культуры и развития своих творческих сил.

Из Самарканда в Ташкент мы возвратились в разгар рабочего дня. Часы на площади близ текстильного комбината показывали половину четвертого. Только что прозвучал гудок, возвещавший смену. На площади было людно. Столица Узбекистана жила деятельной, полнокровной жизнью.

ГРАНИЦА НЕ ВЕДАЕТ СНА...

Мы знаем, сколько отваги и мужества проявляют советские пограничники, охраняя рубежи нашей Родины. Но о жизни пограничных застав известно немногим. Очень хотелось бы прочитать об этом на страницах «Огонька».

Читатель А. КАРДАНОВ.
Поселок Кара-Кала, Ашхабадской области.

Когда человек впервые попадает на пограничную заставу, прежде всего ему бросается в глаза необычный распорядок дня: многие спят в полдень, едят ночью...

Такова особенность пограничной воинской части: охрана границы ведется и днем и ночью. В любую минуту надо быть начеку.

Заснули повсюду и птица и зверь,
Могучая дремлет сосна,
Ночной тишине, пограничник, не верь,
Граница не ведает сна.

Так поется в песне. Граница действительно не ведает сна.

И все же, несмотря на постоянную настороженность, жизнь на заставе идет своим чередом: проводятся политические занятия, спортивные соревнования, работают кружки художественной самодеятельности.

Сейчас мы на передовой пограничной заставе.

— Дайте-ка я посмотрю ваш автомат,— говорит старшина А. Ананьев. Ефрейтор Д. Чугунов и рядовой Н. Левшаков идут в наряд. Участок у них трудный: камыши, кустарник, овраги. Воины тщательно проверили снаряжение, оружие, маскировку. Каждый пограничник знает: малейший недосмотр или промах может привести к тяжелым последствиям.

Застава велика. Но нет такой точки на ней, которая не просматривалась бы.

Утопая в сине-розовых люпинах, показались два всадника. Начальник заставы объезжает дозоры, проверяет посты. Все в порядке. Можно с уверенностью сказать: граница на замке.

Скоро стемнеет. В дозоре старший сержант В. Перекрасов. Он пристально смотрит вперед. Темнота — соучастник нарушителей границы. Надо быть особенно бдительным.

Приехал представитель политотдела, чтобы вручить знак «Отличный пограничник» ефрейтору Н. Корчагину. Теперь отличников на заставе пятеро: ефрейтор С. Васильев, рядовой Л. Куладков, старшина А. Ананьев, ефрейтор Н. Корчагин и рядовой А. Ложников.

Всем известно выражение: «Собака — друг человека». А здесь, на заставе, собака — и друг и помощник пограничника.

Хлопотливы занятия с четвероногими. Старший вожатый ефрейтор Д. Чугунов дрессирует их. Собака должна работать безотказно в любых условиях. Она ловко перепрыгивает через двухметровый забор и широкую канаву, а затем бежит по буму. Отличная подготовка! Непоздоровится нарушителю, который наткнется на такого пса...

Воины на заставе живут дружной семьей. И если кто уходит в запас, все равно считает себя как бы в строю: сообщает друзьям о своих успехах, интересуется делами заставы.

Сегодня почтальон принес письмо от сержанта запаса В. Бизина. Письмо читают вслух. Бывший пограничник пишет однополчанам, что работает инструктором районного Дома культуры в Городище, Пензенской области.

«Хотя вы и «далеко-далеко», а для меня всегда близко. Сердцем и мыслями я с вами. Желаю новому пополнению быстрее овладеть высоким искусством разведчика, а всем товарищам еще лучше, еще зорче охранять границы нашей прекрасной Родины!» — так заканчивает свое письмо сержант запаса В. Бизин.

Сегодня у пограничников будет особенно вкусный обед. На этот раз М. Купченков и В. Садырин снабдили кухню мясом. Спросите у солдат: зайчатину они ели? Ели. Кабанье мясо пробовали? Конечно. А теперь козлятины отведают...

Советские пограничники опытны и бдительны. Их сила в том, что им помогает народ.

Недавно в домик, где проживает колхозница Н. Кондратьева, зашли два путника. Они попросили молока и хлеба. Пришельцы показались женщине подозрительными. Кондратьева сообщила о своих подозрениях на пограничную заставу. Неизвестных задержали и выяснили, что они нарушители границы.

Нина Никитична Кондратьева получила от командования благодарность. Начальник заставы поздравил ее.

Кто занимается охотой, а кто ловит рыбу. Виновник предстоящего пиршества — рыболовная команда заставы. Два битых часа продирались рыболовы сквозь камыши и коряги, покуда наловили рыбы.

Отдохнут пограничники — и снова в дозор!

В. ВИРЕН

Фото Н. ВЕРИНЧУКА.

12 октября в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгерской Народной Республики в СССР Ференца Мюнниха, вручившего свои верительные грамоты. На снимке (слева направо): заместитель Секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин, Ференц Мюнних, К. Е. Ворошилов и Заместитель Министра иностранных дел СССР В. А. Зорин.

Фото А. Гостева.

Залог большой дружбы

Весной этого года я вместе с группой советских артистов побывал в Греции. Мы были первыми посланцами Советского Союза, которым предстояло ознакомить греческий народ с искусством нашей страны. Советские артисты давали концерты в Афинах, Пирее и Салониках, и везде мы видели, с каким большим интересом греческий народ относится к нашему искусству.

Народ Греции очень музыкален. Это мы отлично поняли, когда слушали многообразные по ритму и музыкальному рисунку греческие народные мелодии в очень талантливой передаче греческого ансамбля народного танца и песни; это мы ощущали, когда однажды попали на урок известного греческого педагога-вокалиста Триандофилоса и услыхали в исполнении двух его молодых учениц романсы Мусоргского и Чайковского. В этом мы еще раз убедились, когда познакомились с творчеством артистов, гастролирующих ныне в Советском Союзе. Наши гости привезли разнообразную, очень интересную программу: здесь классика, произведения современных советских и греческих композиторов, народные песни.

Широтой творческого диапазона нас покорил пианист Георгиос Темелис. Это серьезный и вдумчивый музыкант. Его исполнение отличается глубиной мысли, яркостью интерпретации произведения, эмоциональностью. Ему одинаково доступны и легкие, изящные пьесы Куперена, и «Хроматическая фантазия и фуга» Баха, и поэтичные произведения Шопена.

Певица Анна Франгиа-Спилиопулу (меццо-сопрано) с проникновением, которое возможно только при большой музыкальной культуре, исполняет и Глюка, и Шумана, и Сен-Санса, и греческие песни — «Песня одалиски» Риадиса, «Свет луны» Петридиса и народная песня «Эринаки». Хочется особенно отметить исполнение этих песен: артистка ярко передает и их настроение и национальную окраску. Строга, благородна манера пения Анти Захарату в ариях из «Богемы» и «Манон», в романсе А. Рубинштейна, но наибольшего блеска певица достигла при исполнении национальных произведений.

Сюжетны и эмоциональны пластические этюды балерины Татьяны Варути. Зритель с напряженным вниманием следит и за девушкой, героически защищающей свою родину от фашистских захватчиков в этюде «Смерть отважной», и за темпераментным, жизнерадостным и задорным танцем в «Празднике урожая».

Музыкантом большого художественного вкуса и такта показал себя скрипач Никос Дикеос. Приятно было услышать в его исполнении фрагменты из балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» и романс Глиэра.

Мы полюбили греческую музыку так же, как греки нашу. Мы горячо приветствовали гостей, так же как тысячи слушателей, заполнявших греческие концертные залы, аплодировали представителям советского искусства. И в этом понимании национальных искусств, по-моему, залог большой дружбы народов.

Заслуженный деятель искусств
Л. ОБОРИН.

Греческие артисты и советские деятели искусств (слева направо): народный артист СССР профессор Д. Ф. Ойстрах, греческий скрипач Никос Дикеос, генеральный директор артистического бюро Афин Георгиос Куракос, солистка балета и балетмейстер Национального оперного театра Афин Татьяна Варути, заслуженная артистка РСФСР И. В. Тихомирнова, народная артистка Армянской ССР Гоар Гаспарян и греческий пианист Георгиос Темелис.

Фото А. Стужина (ТАСС).

Гости из Пакистана

За последнее время нашу страну посетили экономические делегации различных стран Азии. Цель их приезда состояла в том, чтобы ознакомиться с промышленностью и сельским хозяйством СССР. Недавно с этой же целью прибыла в Москву пакистанская экономическая делегация.

Из Пакистана гости к нам приезжают нечасто. Тем интереснее было познакомиться с ними и с их первыми впечатлениями.

Юсуф Харун, заместитель главы делегации, уже с юношеских лет играет видную роль в политической жизни и в промышленных кругах Пакистана. В двадцать три года он был мэром Карачи, депутатом парламента. В дальнейшем он занимал пост премьера провинциального правительства в Синде и состоял вице-президентом Всепакистанской мусульманской лиги. Сейчас Юсуфу Харуну 36 лет. Он является главой нескольких промышленных и торговых компаний. В Советский Союз Юсуф Харун прибыл впервые. Много ли интересного для себя он встречает здесь?

— Много,— живо замечает г-н Юсуф Харун.— На каждом шагу сюрпризы.

Познакомив нас с членами делегации — г-ном Шейхом, государственным секретарем по делам сельского хозяйства, д-ром Али Ахметом, возглавляющим крупнейшую в Пакистане корпорацию промышленного развития, г-ном Фаруки, директором управления связи, и банкиром Исмаилом из Восточной Бенгалии,— Юсуф Харун любезно пригласил нас сопровождать делегацию в ее поездке на завод «Фрезер».

Увидев корпус нового цеха, д-р Али Ахмет спросил:

— Во что обошелся этот цех?

— Двадцать миллионов,— последовал ответ.

— А весь завод?

— Двести миллионов.

— Какова стоимость месячной продукции завода?

— Одиннадцать миллионов.

Г-н Исмаил, видимо, привыкший у себя в банке к цифрам со многими нолями, с интересом прислушивается к этому разговору о миллионах. Перед ним солидное предприятие.

— Можно ли увидеть здесь хотя бы одного рабочего, который стал инженером? — спрашивает г-н Харун у главного инженера Константина Петровича Анкудинова.

— Ваш покорный слуга,— отвечает главный инженер с улыбкой.— Я был слесарем на этом самом заводе. Здесь закончил среднюю школу без отрыва от производства, учился в институте,— и теперь инженер.

Мы выходим на заводской двор, окруженный зеленью. Услышав голос радиодиктора, г-н Исмаил останавливается и спрашивает, о чем говорит сейчас радио.

— О дружбе между народами СССР и Китая,— отвечаю я.

— Понимаю,— говорит г-н Исмаил и решительно направляется в цех.

— Продукция вашего завода лучше или хуже английской? — спрашивает делегат у главного инженера.

— Многие зарубежные специалисты,— отвечает он,— считают, что продукция нашего завода не уступает английской.

Делегаты подолгу останавливаются у новых станков и приборов, рассматривают их, спрашивают, сколько стоит это, сколько стоит то, беседуют с рабочими, студентами, проходящими практику на заводе, мастерами. Рабочие стараются удовлетворить любопытство гостей, разговор идет деловой и дружеский.

Вечером г-н Юсуф Харун и другие члены делегации пригласили журналистов для беседы. Большой интерес вызвала речь члена делегации г-на Шейха, немолодого человека с большим жизненным опытом. Он побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке уже пять или шесть раз.

— В начале двадцатых годов,— говорит г-н Шейх,— у вас в стране было очень мало тракторов, да и то иностранных марок. Сейчас у вас свыше миллиона тракторов, и все они советских марок.— Г-н Шейх подчеркивает важность этого сопоставления энергичным жестом руки.— Я был потрясен, когда узнал, что у вас девяносто сельскохозяйственных институтов и в них учится сто тысяч юношей! Один профессор, впрочем, меня поправил: не сто тысяч юношей, оказывается, а сто тысяч юношей и девушек. Тем лучше для вас.— Г-н Шейх протягивает вперед руки, как бы приглашая присутствующих задуматься над важностью приводимых им цифр. Он называет эти цифры напамять, ни разу не заглядывая в записную книжку.

— Неделя, которую мы провели в Москве,— вступает в беседу г-н Юсуф Харун,— небольшой срок. Особенно если учесть все те разговоры о «железном занавесе», которые мы часто слышали. Приходилось предполагать, что если даже этот занавес сделан не из чистого железа, вряд ли нам удастся много увидеть. Однако мы столько увидели, что чувствуем себя ошеломленными.

— Вы говорили, что в нашей стране вас на каждом шагу ожидали сюрпризы. Какой же из них произвел на вас наибольшее впечатление?

Юсуф Харун отвечает на это коротко и точно:

— Первое: механизация сельского хозяйства. Второе: высокий уровень производительности труда. Третье: научно-исследовательская работа в области сельского хозяйства. Планы орошения — это четвертое. Пятое? Пятое — планы широкого использования энергетических ресурсов. Шестое — просвещение, вся система просвещения. Темпы, с какими продолжает развиваться промышленность, и вообще все то, что мы видели в области промышленности,— это седьмое. Восьмое: Москва и москвичи и тот весьма радушный прием, который мы видели на протяжении всего нашего пути от Термеза до завода «Фрезер».

В заключение беседы пожелала высказать свое мнение г-жа Харун, вице-председатель Всепакистанской женской организации. Прежде всего ей хотелось бы отметить большую роль женщины в СССР. То, что она узнала об этом, поразило ее. Г-жа Харун посетила больницы, детские сады, школы.

— Опыт, который я приобрела в СССР, может быть для нас очень полезным,— говорит г-жа Харун и добавляет:— Мы очарованы любезностью и гостеприимством москвичей, о котором много слышали. Но одно дело — слышать, другое — ощутить на себе, увидеть собственными глазами...

Пакистанская экономическая делегация продолжает знакомство с Москвой, а затем совершит поездку по стране.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

НА ВЫСТАВКЕ С. Т. КОНЕНКОВА

Народный художник СССР Б. В. Иогансон и скульптор Н. Б. Никогосян приветствуют С. Т. Коненкова.

Фото Б. Кузьмина.

В светлых, обширных залах Дома художника собраны вдохновенные произведения русского ваятеля Сергея Тимофеевича Коненкова, созданные им за 60 лет непрестанного творческого труда.

В центре главного зала статуя «Камнебоец», датированная 1898 годом,— одно из самых замечательных изображений человека труда в русской дореволюционной скульптуре. Высокой думой одухотворено лицо «Мыслителя», также принадлежащего к ранним работам С. Т. Коненкова. В обобщенном образе «Славянина» (1906 год) запечатлены волевая целеустремленность, непреклонное мужество, сила мысли. Непосредственное участие самого скульптора в революции 1905 года нашло отражение в суровом портрете «Рабочего-боевика Ивана Чуркина», рядом с которым автор сражался на баррикадах московских улиц.

Содержательность скульптурных работ С. Т. Коненкова противостояла упадочному модерну, пытавшемуся лишить русское искусство его исконной идейной направленности.

Тема гуманизма, гимн человеку, могуществу его разума, воспевание поэтичности, красоты и чистоты женского образа проходят через все творчество С. Т. Коненкова. Его увлекает работа над портретами лучших представителей советской культуры — А. М. Горького, академика И. П. Павлова, Владимира Маяковского.

Особенно плодотворным в творчестве скульптора было последнее десятилетие. Реализмом и ясным раскрытием характера отмечены портреты академика Н. Д. Зелинского, писателя Всеволода Вишневского, народного артиста СССР профессора А. Б. Гольденвейзера. Психологически выразителен портрет старейшего колхозника деревни Караковичи И. В. Зуева, которого скульптор вылепил в 1949 году во время поездки на родину, в Смоленскую область; лиричен, мужественен портрет греческого патриота Никоса Белоянниса. Прекрасен «Автопортрет», строгий, вдохновенный, он закончен в мраморе в последние дни перед выставкой.

Тема советского человека господствует и в деревянной скульптуре, в которой С. Т. Коненков любит работать так же, как и в мраморе. Радостна «Колхозница» (1954 год) с ее смелым, открытым лицом, оптимизмом, пронизывающим все изображение. Это обобщенный образ новой, советской женщины, хозяйки земли.

Бережно пронес ваятель свою любовь к человеку через все годы подвижнического, вдохновенного труда. От трогательно застенчивой «Лады» 1910 года, изображающей простую девушку из народа, 80-летний скульптор почти через полвека пришел в своем творчестве к образу женщины нашей, социалистической эпохи. Хвалу счастливой жизни, которую он видит вокруг себя, воздал скульптор в этом портрете.

К. КРАВЧЕНКО.

ТОМСКУ—350 ЛЕТ

Перед нами две фотографии. Одна из них сделана почти полвека назад, другая — совсем недавно. По снимкам можно наглядно судить, как изменился старый сибирский город Томск.

Это бывшая Садовая, ныне улица Тимирязева. В прошлом — немощеная дорога, непролазная грязь в дожди, маленькие домишки, торговые лавчонки. На смену им пришли корпуса студенческих общежитий, благоустроенные жилые дома, поликлиника, детские ясли, много зелени, асфальт, удобный транспорт...

Триста пятьдесят лет назад, осенью 1604 года, по просьбе перешедших в русское подданство татар у реки Томи был построен город. Сооружали его русские люди и местные жители — остяки и татары.

Томск стал опорным пунктом освоения Сибири. Отправленные отсюда отряды заложили города Кузнецк, Красноярск, а в 1639 году — первое русское поселение на берегах Тихого океана.

В дальнейшем Томск играл видную роль как административный центр обширных земель от Алтая до Ледовитого океана, от Оби до Енисея.

В конце XIX века в Томске были открыты первые в Сибири высшие учебные заведения — университет и технологический институт. В послеоктябрьские годы город приобрел большое промышленное значение. Здесь выросли металлообрабатывающие и лесопильные заводы, развилась электротехническая, пищевкусовая, швейная промышленность. Выстроены две крупные электростанции. В городе несколько научно-исследовательских институтов.

Вузы, техникумы и специальные училища Томска ежегодно выпускают несколько тысяч молодых специалистов 120 различных профессий.

Е. МРАМОРНОВ

Проспект имени Тимирязева (бывшая Садовая). Внизу: так выглядела эта улица прежде.

Победа в Лондоне

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта

Наше знакомство с английскими спортсменами началось еще до приезда в Лондон. Мы увидели их на московском стадионе «Динамо» в первых числах октября. Когда команда советских легкоатлетов, готовясь к матчу Лондон — Москва, проводила очередную тренировку, на поле появились незнакомые нам люди, послышалась английская речь. Это были футболисты знаменитого лондонского клуба «Арсенал». Форбс и Лаутон подошли к Куцу и Игнатьеву, протянули им руки.

Английские футболисты показали нам билеты, купленные ими заранее на матч Лондон — Москва.

— Обязательно увидимся в будущую среду на стадионе «Уайт-сити»,— сказали они на прощанье...

И вот мы в Лондоне. Нас встретили исключительно радушно. Возле отеля «Кенсингтон», где мы остановились, непрерывно толпились люди. Советские спортсмены оказались в центре внимания многих лондонских газет. Газета «Ивнинг ньюс», например, опубликовала фотоснимки и краткие биографии всех советских спортсменов и тренеров.

Каким-то образом стало известно, что на другой день после приезда в столицу Англии нашему товарищу Леониду Бартеньеву исполнился двадцать один год. Вечером в гостиницу был доставлен огромный пирог, на котором зажгли, по существующей традиции, двадцать одну свечу.

Радио и газеты держали лондонцев в курсе всего того, что было связано с пребыванием советской команды в столице Англии. Стоило заболеть гриппом нашей спортсменке Галине Виноградовой, как об этом тут же сообщили газеты, и в течение всего дня не прекращались звонки: незнакомые нам люди давали множество советов, как лучше всего в условиях Лондона вылечить Виноградову. Наш врач М. Фетисов сбился, что называется, с ног, отвечая на многочисленные вопросы.

Интерес лондонцев к предстоящей встрече превзошел все ожидания. Еще в августе в Берне во время чемпионата Европы по легкой атлетике англичане рассказывали мне, что билеты на предстоящий матч уже почти все проданы. И в Лондоне к нам то и дело обращались любители легкой атлетики с просьбой помочь им проникнуть на стадион «Уайт-сити».

Стадион «Уайт-сити» вмещает около шестидесяти тысяч зрителей. Он специально приспособлен для легкоатлетических состязаний.

Трудно передать, что творилось вечером 13 октября в столице Англии. Создалось впечатление, что все население этого гигантского города устремилось к стадиону «Уайт-сити». Лондонские газеты утверждали, что в этот вечер «по крайней мере еще двенадцать миллионов англичан наблюдали у телевизоров за ходом спортивной борьбы на стадионе «Уайт-сити».

Наша команда еще задолго до начала матча уехала на стадион. В гостинице остался только Владимир Куц. Он должен был бежать позже и решил отдохнуть перед стартом. Однако, когда Куц собрался на стадион, он понял, что к старту ему не успеть. Множество автомобилей и автобусов двигалось по улицам. Словом, наш чемпион очутился в затруднительном положении. Тогда один из организаторов встречи позвонил в полицейское управление, и оттуда немедля прислали специальную машину. Эта машина «расчищала» путь автомобилю, в котором находился Куц. Через десять минут он был на стадионе. А мы туда ехали более часа.

Итоги матча хорошо известны, и нет необходимости снова перечислять имена победителей и результаты. Уместно лишь напомнить, что наша команда набрала 159 очков, а английская — 89, что из 29 номеров программы мы выиграли 21.

Английские спортсмены установили один мировой рекорд, наши легкоатлеты — два мировых рекорда: Владимир Куц в беге на 3 мили (13 минут 27 секунд) и Юрий Литуев в беге на 440 ярдов с барьерами (51,3 секунды).

Особенность матча состояла в том, что он продолжался всего лишь 5 часов, несмотря на то, что программа за небольшими исключениями была такой же, как и на чемпионате Европы,— пример отличной организации крупного международного состязания.

Самым ярким событием матча — я имею в виду чисто спортивную сторону соревнований — был бег на 5 тысяч метров. Англичане издавна славятся своим умением выступать в беге на средние и длинные дистанции. В этом состязании лондонцы возлагали большие надежды на своего любимца Кристофера Чатауэя. Ему предстояла встреча с москвичом Владимиром Куцем. Всего лишь шесть недель назад я видел их в Берне, где они оспаривали звание чемпиона Европы. Тогда Куц с большим преимуществом одержал победу, установив новый мировой рекорд — 13 минут 56,6 секунды.

Как сложится бег на этот раз?

Мне приходилось участвовать самому в соревнованиях, быть свидетелем многих интереснейших спортивных событий, но, пожалуй, я еще не видел такой жаркой, захватывающей и волнующей борьбы на гаревой дорожке.

Сразу же после сигнала стартера Чатауэй и Куц вступили в борьбу с полным напряжением сил,— так описывали начало бега лондонские газеты. Оба стайера взяли такой быстрый темп, что невольно хотелось крикнуть им: «Да помилуйте, ведь впереди не тысяча пятьсот метров, а пять тысяч! Не ошиблись ли вы?»

Нет, не ошиблись! Куц, верный своей тактике, взял на себя роль лидера. Он хорошо знал свои возможности. Напомню, что недавно в Москве Куц пробежал 1 500 метров за 3 минуты 55 секунд, а Чатауэй нынешним летом прошел эту дистанцию за 3 минуты 45,4 секунды. Такие результаты подстать только очень сильным бегунам на средние дистанции. Огромная выносливость, помноженная на скорость, дала возможность спортсменам выдержать невероятный темп.

Финиш бега на 5 000 метров. У ленточки — К. Чатауэй, за ним В. Куц.

Куц и Чатауэй бежали под непрекращающиеся крики экспансивных зрителей. Легкоатлетов все время сопровождали лучи двух мощных прожекторов. Выглядело это очень эффектно. Куц неоднократно пытался уйти от Чатауэя. Он делал резкие рывки, но англичанин неотступно следовал за ним и, как говорят спортсмены, «сидел у него на пятках».

Когда позади осталось три мили, по радио на английском и русском языках объявили, что Куц установил новый мировой рекорд. Это вызвало бурю восторгов.

До самого конца пятикилометровой дистанции продолжалась эта поразительно упорная борьба, и лишь на самом финише Кристоферу Чатауэю удалось опередить Куца. Оба спортсмена показали феноменальные результаты, превышающие мировой рекорд: Чатауэй — 13 минут 51,6 секунды, Куц — 13 минут 51,8 секунды.

Как только окончился этот незабываемый бег, я спросил у Чатауэя, что он может сказать о прошедшем состязании.

— Только одно: спасибо Куцу!

Чатауэй подошел к Куцу и крепко обнял его.

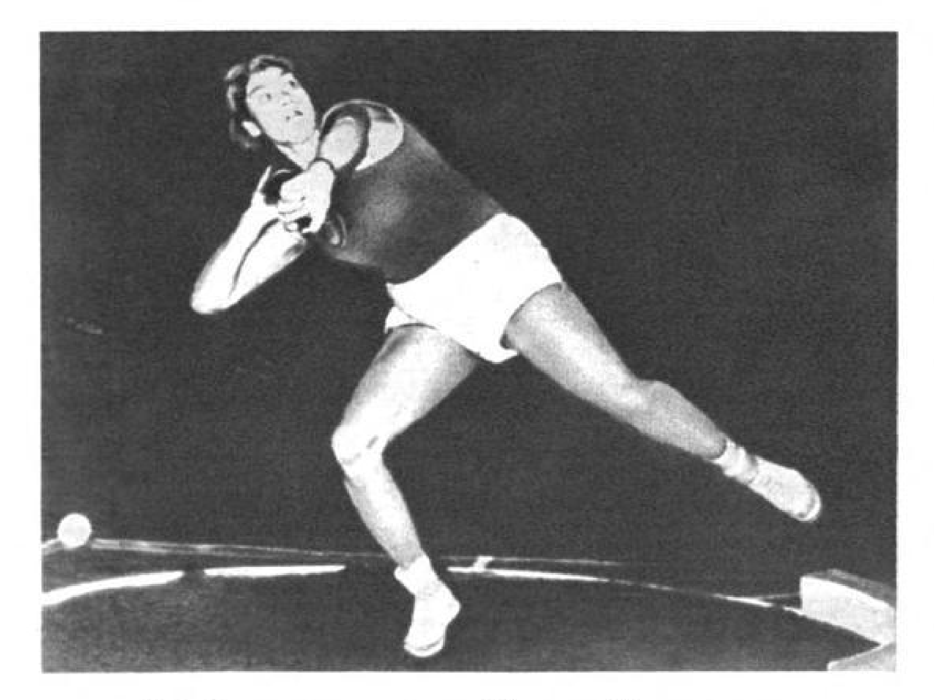
Действительно, такой рекорд мог родиться только в честной спортивной борьбе настоящих мастеров своего дела.

После матча в самом лучшем отеле Лондона, «Дорчестере», в честь советских легкоатлетов состоялся прием.

Следующее выступление советских спортсменов состоялось в субботу днем в Манчестере.

Встреча закончилась убедительной победой наших легкоатлетов. Они заняли первые места в большинстве номеров программы.

Лондон (по телефону).

Г. Зыбина толкнула ядро на 15 метров 93 сантиметра.
Фото английского агентства «Планет ньюс» (принято по фототелеграфу).

Кто готовит «операцию Е»

В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

«Загадочный генерал»

Худощавый, лысоватый военный, затянутый в гитлеровский генеральский мундир, подчеркнуто прямо сидит в деревянном кресле. Типичное жесткое лицо прусского милитариста. Фотография, очевидно, вырезана из группового снимка: рядом видны чьи-то ноги в сапогах, сзади — украшенные «железными крестами» груди и животы. Из надписи под фотографией явствует, что на ней изображен генерал Рейнгардт Гелен. Далее говорится, что «послевоенных фотоснимков генерала не существует» и что он руководит ныне контрразведывательной организацией, финансируемой Соединенными Штатами.

Гамбургская газета «Вельт», опубликовавшая 20 августа 1954 года эту фотографию, кокетничает своей осведомленностью: вот, дескать, как выглядит в натуре «загадочный» Гелен, «человек без лица», как назвала его «Рейнольд ньюс», имя которого так часто склоняется во всей немецкой, да и не только немецкой, прессе.

Между тем Гелен недавно, в начале августа, был в Бонне. И хотя приезжал он инкогнито, под чужой фамилией, но газеты немедленно сообщили, что Гелена принимал боннский министр внутренних дел Шредер, что он вел переговоры в федеральной канцелярии и бывал в ведомстве Бланка, как деликатно именуют боннское военное министерство. Упоминалось также, что организация Гелена перейдет в ведение боннского правительства и что Гелену будут подчинены все разведывательные организации, расплодившиеся в Западной Германии, как грибы после дождя.

Эти газетные сообщения явно были рассчитаны и на то, чтобы успокоить разыгравшиеся нервы некоторых боннских деятелей. Жаловался же, например, Цинн, премьер-министр земли Гессен, что Бонн, Западный Берлин и вся Западная Германия превратились в «шпионские джунгли». Добро бы еще все эти разведывательные центры, организации толком делали свое дело! На поверку оказалось, что шпионские банды одна за другой проваливаются, а Германская Демократическая Республика не в пример Бонну процветает, и даже несколько боннских деятелей предпочли перейти в ГДР.

Кто же такой этот Гелен?

Во время войны Рейнгардт Гелен состоял начальником того разведывательного управления генерального штаба гитлеровской армии, которое именовалось «иностранные армии Востока» и было нацелено в первую очередь против Советского Союза. Работа управления Гелена теснейшим образом переплеталась с СД (служба безопасности), СС и гестапо. После расстрела в 1944 году начальника гитлеровской военной разведки и контрразведки (абвер) адмирала Канариса военная разведка, включая управление Гелена, очутилась в полном подчинении у Гиммлера. Хотя Гелен и считался одним из близких к Канарису людей, он все же сумел поладить и с Гиммлером, и с Кальтенбруннером, и с Шелленбергом, и с другими обер-палачами третьей империи. После крушения ее Гелен очутился, и, разумеется, не случайно, в американской зоне. В «плену» генерал пробыл очень недолго. Уже в 1946 году по прямому американскому заданию он начал создавать крупную шпионско-диверсионную организацию.

Его подручные с самого начала были отобраны из числа «специалистов» — матёрых гитлеровских разведчиков-гестаповцев. И в то время, как другие шпионские центры занимались саморекламой, желая набить себе цену, Гелен предпочитал оставаться в тени.

Только через несколько лет, 17 марта 1952 года, в английской газете «Дейли экспресс» появилась большая корреспонденция Сефтона Дельмера, посвященная Гелену.

«Обратите внимание на имя, которое со временем принесет неприятности, притом большие, — писал Дельмер. — Это имя — Гелен».

«В его руках был ключ к шпионской сети, созданной Канарисом, Гиммлером и Шелленбергом», — подчеркивал английский журналист. В заключение Дельмер указывал, что Гелен, повидимому, уже облюбовал себе крупный пост — начальника разведывательной службы будущей «европейской армии».

Здесь, в Пуллахе, — американской запретной зоне близ Мюнхена — главное шпионское гнездо геленовцев — так называемая «генеральная дирекция». (Фото из западногерманского журнала «Мюнхенер иллюстрирте».)

Статья эта не была бульварной сенсацией. Как выяснилось из показаний шпионов, разоблаченных в Германской Демократической Республике, Гелен получил от своих американских хозяев в 1951 году 17 миллионов долларов, а в 1953 году — 25 миллионов; по другим сообщениям, его годовая смета достигла 47 миллионов долларов.

Шпионы, курьеры, наводчики...

На судебных процессах разоблаченных в ГДР западногерманских шпионов выявилось, что организация Гелена разделяется на два управления: политическое и военное. Первое насчитывает примерно 3 тысячи человек, второе — тысячу. Среди агентов имеются курьеры, радисты, наводчики, подыскивающие людей для вербовки, «исследователи», определяющие пригодность этих лиц для шпионажа, «проводники», которые привозят в Западный Берлин завербованных лиц, и, наконец, «источники», то есть агенты, которые собирают и передают шпионские сведения. Эти последние, в свою очередь, делятся на различные «специальности».

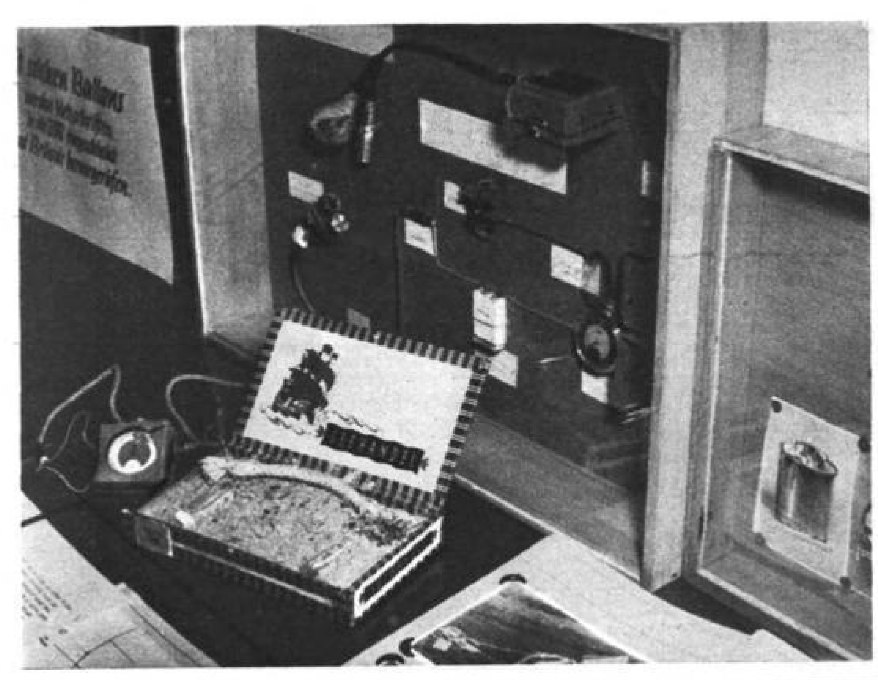
В октябре этого года в Берлине состоялась пресс-конференция, на которой статс-секретарь ГДР профессор Альберт Норден подробно изложил новые документальные данные о преступной деятельности американской разведки и ее западногерманской агентуры. Здесь же выступили два американских гражданина — братья Джеймс и Вильям Генри Стар, добровольно перешедшие в Германскую Демократическую Республику.

— Мы пришли к убеждению, — заявил один из братьев, — что американское правительство взяло курс на войну.

На фото: Вильям Генри Стар отвечает на вопросы корреспондентов.

Фото Центральбильд.

В зале пресс-конференции была устроена выставка вещественных доказательств диверсионно-шпионской деятельности Гелена. Вот некоторые экспонаты этой выставки: пачки пропагандистских листовок и зажигательные вещества, забрасываемые с помощью воздушных шаров, бомбы с часовым механизмом, предназначенные для взрывов или поджогов на предприятиях ГДР.

Фото Центральбильд.

Излюбленная вывеска, под которой оперирует организация Гелена, — разного рода торговые фирмы. Широко используются фальшивые документы, для изготовления которых существует «секретная техническая служба»; она помещается в Штутгарте под фирмой «Швабское индустриальное представительство». Многих агентов снабжают документами американские власти, они же перебрасывают «курьеров» Гелена из Западного Берлина в Западную Германию и обратно не на обычных пассажирских, а на американских транспортных самолетах.

Недавно американский журнал «Ньюсуик» подтвердил, что главный штаб Гелена, именуемый «генеральная дирекция», размещен в южном пригороде Мюнхена Пуллахе — в американском военном городке, обнесенном забором из колючей проволоки. Вокруг «дирекции» для маскировки расположены американские казармы и склады. Занято в «дирекции» свыше 400 человек. Кроме того, к ней прикомандировано 40 человек из американской Си-Ай-Си (контрразведки); они опекают организацию Гелена и попутно контролируют расходование американских ассигнований. «Дирекция» имеет пять «генеральных представительств»: в Бремене, Мюнхене, Карлсруэ, Дармштадте и Штокнице близ Мюнхена. Этим «генеральным представительствам» подчинена сеть «филиалов» как в Западной Германии, так и в Западном Берлине и в Саарской области.

Для подготовки шпионов и диверсантов существуют специальные школы.

«Генеральное задание всем»

В конце августа и начале сентября в демократических берлинских газетах были опубликованы материалы дознания по делам нескольких сот геленовских агентов, арестованных 2 и 3 августа. В одном из этих сообщений упоминается, что при обыске у одного из арестованных был отобран любопытный документ, озаглавленный «генеральное задание всем». Оно было снято на микрофильм и отпечатано на двух крохотных листочках серебряно-бромистой бумаги, спрятанных в выключателе электрического освещения.

Вот, например, пункт второй этого документа: «Устанавливать результаты налетов союзной авиации на железнодорожные линии, дороги, мосты, крупные узлы связи и т. д. и наблюдение за соответствующими восстановительными работами».

В двенадцатом пункте предлагается следить за энергетической промышленностью, химическими предприятиями, за воздействием на них налетов авиации и ходом восстановительных работ.

В пятнадцатом пункте предусматривается наблюдение за потерями населения от авиационных налетов.

Каннибальским духом веет от пункта десятого, в котором запрашивается о загрузке лазаретов и о «возникновении эпидемии». Иначе говоря, «генеральное задание» рассчитано на войну, в том числе и бактериологическую. Действия диверсантов во время войны именуются: «Операция Е».

Для выполнения своих подлых заданий геленовцы не останавливаются перед вербовкой несовершеннолетних. Недавно, например, благодаря бдительности рабочих-железнодорожников был задержан шестнадцатилетний школьник из Западного Берлина, который разбрасывал провокационные листовки, содержавшие «совет» сыпать песок в вагонные буксы, портить провода сигнализации и т. п.

Как выяснилось, он был завербован взрослым агентом в Западном Берлине. Когда родители арестованного, которые ничего не знали о его похождениях, обратились в западноберлинский суд с требованием привлечь к ответственности геленовца, совратившего их сына на столь позорное преступление, судья отклонил их просьбу, мотивируя это тем, что подобное деяние якобы... по закону не наказуемо.

На Восток и на Запад...

Шпионские банды Гелена действуют не только против ГДР, но и против европейских стран народной демократии, в первую очередь против Польши и Чехословакии. В начале августа, например, в Чехословакии была разоблачена большая геленовская организация, насчитывавшая несколько десятков человек. Совсем недавно арестована геленовская банда в Польше. Упомянутый уже журнал «Ньюсуик» в номере от 12 июля сообщил, что агенты Гелена действуют не только в Восточной, но и в Западной Европе, на Дальнем и Среднем Востоке.

Из западных стран особенным «вниманием» Гелен удостаивает Францию. В Саарской области агенты его стремятся проникнуть в профранцузские круги и разложить их.

Гелен усиленно орудует и в самой Западной Германии. Его шпики следят за западногерманскими деятелями, выступающими против раскола Германии, пытаются провоцировать их, подбирают «компрометирующие» фальшивки. Специальная слежка поставлена за торговыми фирмами, которые стремятся наладить экономические отношения с ГДР и странами народной демократии.

Впрочем, и сами боннские правители находятся под надзором недреманного ока Гелена. Среди его агентов можно найти высокопоставленных представителей западногерманского режима. Даже в конкурирующих с ним боннских ведомствах Гелен имеет своих резидентов. У Бланка таким разведчиком является небезызвестный генерал Хойзингер, а в ведомстве по охране конституции — заместитель начальника этого ведомства Радтке, фигурирующий среди шпионов под кличкой Рюдигер. Через Гелена проникает в боннский правительственный аппарат стоящая за его спиной Си-Ай-Си.

Во время Берлинского совещания министров иностранных дел Гелен пытался при помощи фальшивок скомпрометировать западногерманских деятелей Олленхауэра, Пфлейдерера, Фриденсбурга, Леммера, критически высказывавшихся по поводу политического курса Аденауэра.

И прежний начальник канцелярии Аденауэра Ленц и нынешний ее начальник Глобке (оба — старые гитлеровцы) тесно связаны с Геленом. «Ньюсуик» прямо указывает, что Глобке служит связным между Аденауэром и Геленом. «Вельт ам зоннтаг» со своей стороны писала: «Гелен лично познакомился с Конрадом Аденауэром... Его доклады вне очереди появляются на письменном столе федерального канцлера во дворце Шаумбург».

Тайное становится явным

Решительные действия органов безопасности Германской Демократической Республики нанесли тяжелые удары геленовской банде шпионов и убийц. Пойманы с поличным целые филиалы в полном составе, арестованы и осуждены не только рядовые агенты, но и ближайшие сообщники гитлеровского генерала от разведки. В демократической печати опубликованы подробные данные о структуре организации Гелена, о методах ее подрывной деятельности. Даны точные адреса многих разветвлений сети Гелена, фамилии и конспиративные клички ее руководителей. Все это повысило бдительность граждан ГДР, открыло глаза многим благодушным людям.

Многочисленные провалы вызвали панику среди уцелевших шпионов. Многие из них решили свернуть свою деятельность и притаиться, иные, в том числе и некоторые занимавшие руководящие посты — Пратер, Капанке и другие, — добровольно явились в органы безопасности ГДР, заявив о своем раскаянии.

Разумеется, это не значит, что Гелен и его шпионская банда окончательно обезврежены. В западногерманской печати появились сообщения, что именно Гелен будет руководить разведкой в запланированном на лондонском совещании 9 западных государств вермахте.

Но как бы ни старались американские и боннские власти «спасти лицо» оскандалившегося генерала-шпиона, тайное стало явным. Перед глазами общественности предстала неприглядная картина боннского режима, вынужденного искать опору в оплачиваемых американцами шпионско-диверсионных бандах. Весь мир видит теперь также, что правящие круги США решили в самом центре Европы опираться на отпетых гитлеровских шпиков, помогающих своим хозяевам готовить зловещую «операцию Е».

М. А. Врубель (1856—1910). СИРЕНЬ. 1900 год. **Государственная Третьяковская галерея.**

Картины М. А. Врубеля

Творчество Михаила Александровича Врубеля необычайно сложно и противоречиво. Огромный талант и темперамент художника, беспрестанные искания, безудержность творческой фантазии — и в то же время настроения упадка, увлечения символизмом. Образы, созданные Врубелем,— напряженные, мистические, трагические, терзаемые душевной борьбой. К их числу относится в первую очередь «Демон».

К этой работе Врубель возвращался неоднократно. «Демон (сидящий)», созданный в 1890 году, несомненно, навеян лермонтовской поэмой:

Как часто на вершине льдистой
Один меж небом и землей
(Как царь с развенчанной главой)
Под кровом радуги огнистой
Сидел он мрачный и немой.

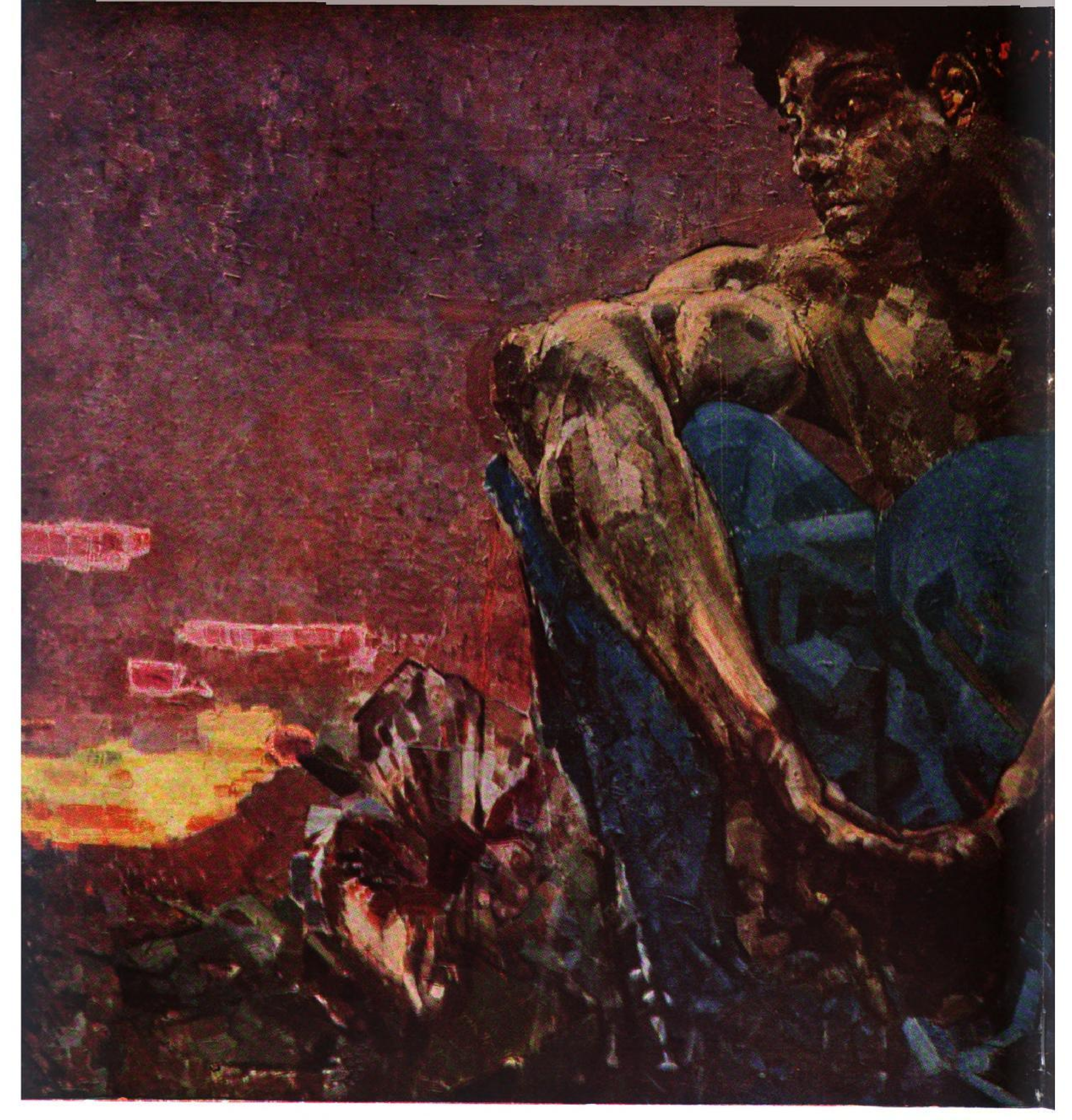
Таким и изображает Врубель мрачного и задумчивого «духа изгнанья».

В картине «Сирень» также звучит основная тема художника — трагедия одиночества, разлад мечты и действительности. Говорят, что маленький цветок из пяти лепестков, найденный в душистых гроздьях сирени, приносит счастье... Но сбудется ли примета?

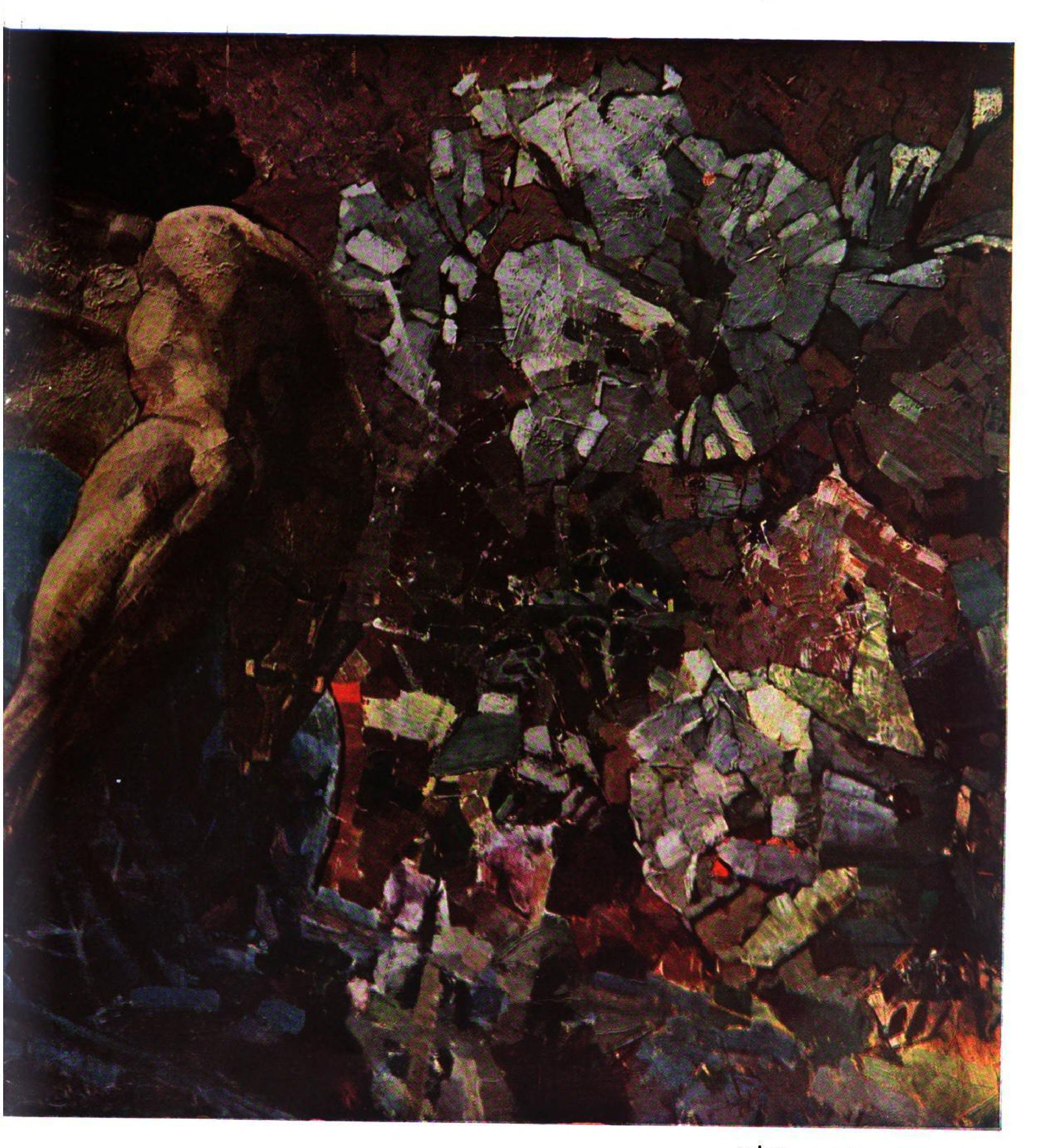
Печальны большие глаза девушки, фигура которой как бы растворяется в сиреневых кустах. Ожиданием счастья, мыслью о его призрачности и проникнуто одно из самых красивых полотен М. А. Врубеля — «Сирень». В необычайно тонких оттенках сиреневого цвета, в дымке, будто обволакивающей картину, в серебристом сиянии красок лунной ночи художник передает, кажется, самый аромат сирени и прохладу ночи.

Картина «Пан» написана в 1899 году, за год до «Сирени». Старым русским крестьянином изображает Врубель пана — сказочного жителя лесов. Этот образ взят художником из античной мифологии, но трактует он его своеобразно, по-своему, «по-врубелевски». Глубоки и бездонны, как синие озера, глаза пана, пальцы лешего напоминают сучки березы. И вся фигура сливается с самой природой, олицетворяя ее стихийные и необузданные силы.

А. АБРАМОВА

М. А. Врубель. ДЕМОН (сидящий). 1890 год.

Государственная Третьяковская галерея.

М. А. Врубель. ПАН 1899 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Впервые в Москве

Дзержинский драматический театр имени XXX-летия Ленинского комсомола — первый районный театр, показавший в столице свой спектакль.

Чем же заслужены столь почетные гастроли?

Несколько лет назад артист этого театра Т. Лондон задумал воплотить на сцене образ Алексея Мересьева, известного советским людям по книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Инсценировок повести не было, и артист решил попытаться сделать это сам.

Как только в Дзержинске (Горьковская область) узнали о смелом намерении Лондона (это был его дебют в драматургии), в театре и даже в городе появились добровольные консультанты.

Теснейшее содружество театра с широкой общественностью, длительная (около двух лет) работа над спектаклем и, главное, упорный, кропотливый труд всего коллектива во главе с режиссером Ф. А. Лещенко привели к желаемому результату: первый драматургический опыт Лондона получил широкое признание зрителей в Дзержинске, а затем и в Москве.

И действительно, в пьесе и спектакле немало достоинств. Прежде всего «Настоящий человек» — произведение очень точное по жанру. Это героическая драма.

Режиссер добился от большинства исполнителей максимального раскрытия внутреннего мира героев. Человеком большой душевной силы и красоты предстает перед зрителем комиссар Воробьев в исполнении В. Мачкасова. Теплые, задушевные интонации, мягкая и обаятельная манера разговаривать, доброта и ум вызывают большую симпатию к комиссару, и становится понятно, почему этот человек пользовался таким глубоким уважением у окружающих. И когда в одной из сцен раздаются звуки похоронного марша, все в зале замирают. Зрители вместе с действующими лицами выдерживают суровую минуту молчания в память о настоящем человеке — комиссаре Воробьеве.

Режиссер не случайно в этот момент подчеркивает слова Кукушкина: «Настоящего человека хоронят. Большевика...» Все персонажи пьесы в большей или меньшей степени заслуживают высокую честь именоваться настоящими людьми. Каждый показывает пример мужества и геройства, но комиссар воплощает в себе более других все лучшие черты советского человека. Комиссар и, разумеется, Мересьев.

Сцена из спектакля. Мересьев (Т. И. Лондон) и медсестра (Л. Н. Чарковская).

Фото М. Демиховского.

Т. И. Лондон читает Б. Н. Полевому свою инсценировку «Повести о настоящем человеке».

Фото М. Лотарева.

Именно благодаря удачно созданному образу Мересьева артистом — автором инсценировки Т. Лондоном — от сцены к сцене, от эпизода к эпизоду растет уверенность в силе духа советского человека, в несокрушимости его воли.

Занимается ли Мересьев гимнастикой, примеряют ли ему протезы, делает ли он первый шаг — зал неистово аплодирует актеру, радуясь не столько физическому выздоровлению героя, сколько тому, что крепнут его моральные силы — источник дальнейшей полноценной и плодотворной жизни.

Впечатление зрителей от образов героев, созданных актерами, в большинстве своем сливается с образами, сохранившимися в памяти после чтения повести Полевого.

Спектакль Дзержинского театра «Настоящий человек» еще раз доказывает, насколько сильна в нашем зрителе потребность видеть на сцене героя нашего времени — настоящего советского человека.

Е. ХОДУНОВА

ДИРИЖЕР-КАБАРДИНЕЦ

Еще недавно Кабарда не имела ни своих дирижеров, ни симфонического оркестра. Хамид Афаунов—первый дирижер-кабардинец. Окончив кабардинскую студию Ленинградской государственной консерватории имени Римского-Корсакова, он стал за дирижерский пульт. До поступления в консерваторию Афаунов работал трактористом на полях колхозов Терского района, был активным участником художественной самодеятельности. Уже тогда он мечтал серьезно заняться музыкой. Окончилась война, и республиканские организации направили Хамида в Ленинград, в старейшее высшее музыкальное учебное заведение страны.

...Первые публичные выступления молодого дирижера прошли с успехом. Программа концерта была разнообразной: исполнялись произведения Мусоргского и Калинникова, Моцарта и Бизе. В симфонической фантазии Мусоргского «Иванова ночь на Лысой горе» Хамид Афаунов показал себя темпераментным музыкантом, знающим и глубоко понимающим русскую классическую музыку.

Б. СТЕПАНОВ

Нальчик.

На снимке: дирижер Хамид Афаунов и скрипач В. П. Прозоров (слева) на репетиции симфонического оркестра Кабардинской государственной филармонии.

Фото Я. Гольдфейна.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР ИНДОНЕЗИИ

Ваянг пурво — театр теней. Бима, герой народного эпоса, каким его видит зритель на экране.

Над небольшой деревней в центральной части острова Ява спустились сумерки. Обычно в это время уставшие крестьяне уже спят, отдыхая после тяжелой работы на полях. Лишь кое-где в домах светятся огоньки.

Но сегодня в деревне шумно и оживленно. Урожай собран, и крестьяне готовятся отпраздновать окончание полевых работ. По случаю праздника сюда прибыл народный театр теней — ваянг пурво. Старые и молодые крестьяне, надев свои лучшие платья, спешат к дому старосты, где должно состояться представление.

Все уже готово к началу спектакля. Ярко горят большие керосиновые лампы. Огромный экран — келир — из белой легкой ткани свисает с потолка до пола, на котором разостланы циновки.

Ведущий актер — даланг — сидит позади экрана. Он будет двигать куклы и вести рассказ по ходу спектакля.

Плоские куклы на длинных стержнях, сделанные из тонкой буйволовой кожи, расставлены у стены в длинный ряд. Те, которые будут показываться в спектакле первыми, воткнуты стержнями в ствол банановой пальмы, лежащей у ног даланга. В руках, ногах и голове кукол — шарниры, и даланг может производить движения «актеров» при помощи длинных палочек — чемпурит.

Национальный оркестр — гамелан — тихо наигрывает мелодию, сопровождающую первое действие пьесы. В оркестре преобладают ударные инструменты типа ксилофона и металлофона, гонги, барабаны. Впереди оркестра сидит, поджав под себя ноги, исполнитель на ребабе и медленно водит смычком по струнам.

Обширное помещение дома старосты до отказа заполнено. Зрители уселись на циновках за небольшими столиками. Ребята, собравшиеся шумной ватагой около дома, притихли и тоже заняли места, стараясь сесть поближе к далангу, чтобы лучше следить за его рассказом и ходом действия.

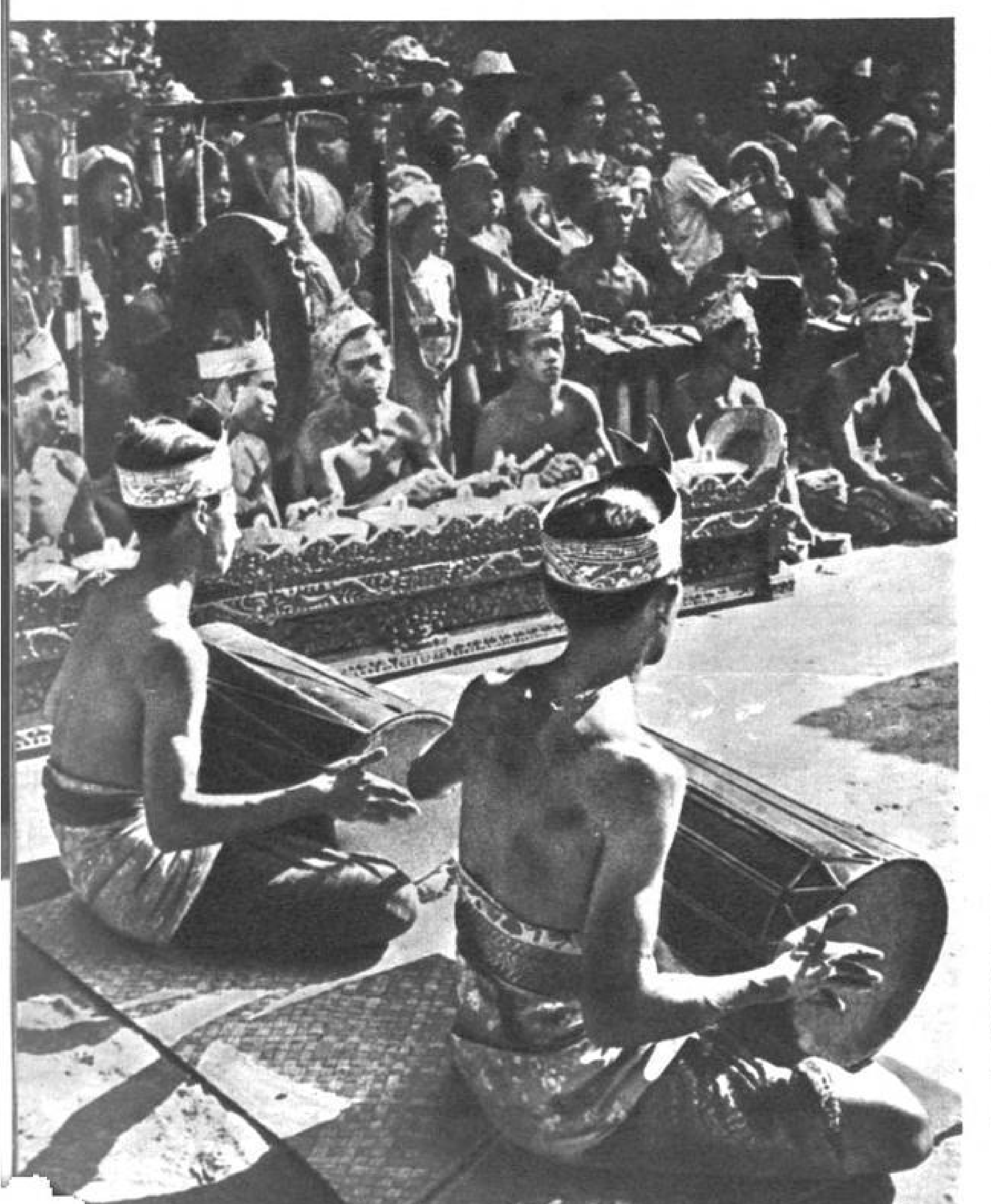
Лампы, кроме одной, потушены. Представление началось. Даланг сидит по другую от зрителей сторону экрана и, двигая куклу, ведет свой рассказ. Свет от лампы, падая на куклу, отбрасывает ее увеличенную тень на экран.

Клоунада.

Персонаж из театра масок.

Даланг рассказывает о приключениях принцессы и принца из древнего княжества Медангкамулан, которые, отказавшись от своих титулов и приняв образы змеи и птицы, пошли к крестья-

Театр масок. Сцена из пьесы, рассказывающей о вражде княжеств.

← Барабанщики оркестра гамелан.

Танцовщица.

нам, чтобы помочь им в их трудной жизни.

Эту пьесу из яванского эпоса даланг показывает ежегодно. Но зрители с неизменным интересом слушают его рассказ и под звуки гамелана следят за движением теней по экрану. Женщины и молодежь подают старшим кушанья во время представления, которое длится всю ночь.

Праздник продолжается и на следующий день. Неутомимый даланг показывает другую пьесу — уже по заказу жителей. Большинство зрителей предпочитает повесть из древнего яванского эпоса о борьбе между княжеством Каурава, представляющим зло, и княжеством Пандава, представляющим добро.

Но вот закончился и этот спектакль. Теперь даланг пешком отправляется в соседнюю деревню. Иногда в течение месяца ему приходится выступать ежедневно с девяти вечера до шести утра.

— Он привык к этому,— отвечают крестьяне на наш вопрос, как может даланг так много работать.

Театральные представления — широко распространенное народное искусство в Индонезии. С древних времен они составляют непременную часть всякого семейного или общественного праздника.

Помимо театра теней, в Индонезии существует театр масок — ваянг топенг, — берущий свое начало от театрализованных религиозных обрядов. Выступают здесь профессиональные актеры. Как и в театре теней, содержание пьесы излагает скрытый от глаз зрителей даланг. Представление идет под аккомпанемент гамелана, обычно под открытым небом и без декораций. Действие происходит, как правило, на небольшой площадке. В спектакль вводятся комические сценки, имеющие злободневный характер, выступают клоуны в масках, вызывая смех и возгласы одобрения.

Ваянг оранг — современный театр без масок. Сцена из музыкальной комедии.

Широко распространены спектакли, в которых актеры играют без масок,— ваянг оранг. В репертуар этих театров вошли пьесы В. Шекспира, Рабиндраната Тагора, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, пьесы голландских писателей конца XIX века. Ставятся также произведения индонезийских авторов, отображающие жизнь народа.

Индонезийский народ любит и ценит свое театральное искусство, и представления здесь всегда проходят при большом количестве зрителей.

М. АЛЕКСЕЕВ

Театр кукол.

Выступление на улице театра масок животных — топенг баронгана.

ПРЕМ ЧАНД

В конце 1908 года на площади Хамирпура, одного из городов Северной Индии, пылал необычный костер. По приказу английских колонизаторов здесь предавали публичному сожжению сборник рассказов «Любовь к родине», принадлежавший перу мало кому известного молодого писателя. Имя писателя, который осмелился открыто выступить против колонизаторов, — Прем Чанд.

Прему Чанду, великому писателю-реалисту, переводчику и драматургу, реформатору литературы урду и хинди, основоположнику новых для этих языков жанров — романа и рассказа,— суждено было оказать огромное влияние на судьбы индийской литературы.

Прем Чанд (настоящее имя — Дханпат Рай Шривастава) родился 31 июля 1880 года в деревне Мандхва Ламхи, недалеко от Бенареса, в бедной, едва сводившей концы с концами семье. Впечатления детства и юности послужили позже богатым материалом для его романов и рассказов.

Начало литературной деятельности Према Чанда относится к началу двадцатого века, века бурного подъема национально-освободительной борьбы в Индии. В 1907 году в печати появился первый рассказ писателя. Немалое влияние на творчество Према Чанда в эту пору оказали Чехов, М. Горький и в особенности Лев Толстой, к которым он всю жизнь проявлял большой интерес.

Двадцатые годы в Индии знаменуются тем, что в борьбу за национальное освобождение своей родины решительно вступают рабочий класс и крестьянство. Перед всеми деятелями культуры встал вопрос: с кем идти? Прем Чанд пошел вместе с угнетенными массами своего народа. Теперь он стал писать не только о средних слоях индийского общества, но и о его низах. Героями произведений Према Чанда обычно были крестьяне Северной Индии. Бедняка-арендатора Хори, его жену Дханию, выведенных им в романе «Жертвенная корова», батраков из романа «Саван» можно встретить в Индии на каждом шагу.

Прем Чанд становится любимым писателем миллионов индийцев. Его произведения переводятся на бенгали, марáтхи, гуджарàти и другие языки народов Индии, на английский и японский. По словам индийского критика Андара Натха Мадана, «секрет величия Према Чанда в том, что он с большой силой и страстностью показал внутренний мир крестьянина, надежды и чаяния людей — выходцев из средних классов как раз в то время, когда в Индии происходили важные, коренные изменения. В этот период национальной борьбы против иностранного владычества рушились старые формы экономики и жизни крестьянства. Прем Чанд рассказал в своих произведениях о горечи и ненависти, которые накопились за века в сердцах крестьян против гнета и эксплуатации».

В своем романе «Обитель любви» Прем Чанд рассказал о крестьянских волнениях в 1920—1921 годах. С замечательным мастерством и знанием дела он показал, как измученные голодом люди вели неравную борьбу за хлеб и свободу. Кажется, сама жизнь встает со страниц этого романа. Реализм Према Чанда достигает здесь своих вершин. Но чем ближе развязка, тем глубже погружается автор в пучину иллюзий. Он не в силах был указать крестьянам выход из их тяжелого положения.

Лишь в конце своего жизненного пути Прем Чанд расстался со своими прежними иллюзиями и убедился, что завоевать свободу Индия может только путем долгой и упорной борьбы. Немало способствовало этой перемене во взглядах пристальное внимание писателя к успехам Советского государства. Последний его роман, «Жертвенная корова», свидетельствует о том, сколь решительно порвал автор со своими прежними убеждениями.

Роман «Жертвенная корова» подготавливается сейчас к изданию на русском языке Государственным издательством художественной литературы.

Прем Чанд создал тринадцать романов, написал свыше двухсот рассказов, серию очерков, несколько драм. Его перу принадлежит много рассказов для детей, главные герои которых — животные. Таковы «Рассказ собаки», «Лесные рассказы» и многие другие произведения.

Вместе с Саджадом Захиром, Мульком Раджем Анандом и другими видными писателями Прем Чанд был основателем «Ассоциации прогрессивных писателей Индии». Председательствуя на первой ее конференции, в апреле 1936 года, он сказал:

«На заложенном нами фундаменте расцветет новая литература, полная глубоких мыслей, стремления к свободе, прекрасная, словно драгоценный камень, полная духа созидания, которая будет освещать правду жизни, потребует от нас готовности к действию, к схватке, а не станет усыплять и убаюкивать нас. Сон теперь, более чем когда-либо, является признаком смерти».

Нужда и лишения, всю жизнь преследовавшие Према Чанда, подорвали здоровье писателя и раньше времени свели его в могилу. Он умер в октябре 1936 года. Кончина Према Чанда была тяжкой утратой для индийской литературы и всей культуры Индии.

В. КРАШЕНИННИКОВ

ВДОХНОВЕНЬЕ

Любое произведение литературы или искусства мертво, если оно не согрето пламенным сердцем художника. Холодны и риторичны стихи, написанные равнодушной рукой, безжизненны картины, созданные «без божества, без вдохновенья». Как бы значительна ни была тема, которой посвящено художественное произведение, как бы ни были существенны заключенные в нем идеи, оно по-настоящему не взволнует читателей, если был бестрепетным и просто равнодушным его автор. И наоборот: идея могуче расправляет крылья и стремит свой полет все выше и выше в строках, написанных с большим душевным подъемом, с благородной страстью писателя — глаголом жечь сердца людей.

Об этом думаешь, когда читаешь новый сборник стихов дагестанского поэта Расула Гамзатова «Лирика». Читаешь, перечитываешь, и на душе становится радостно и празднично, как это всегда бывает при встрече с подлинным художником.

У Гамзатова есть такая строка в стихотворении, обращенном к осени: «Будь щедрой, осень: вдохнови меня!» В этой строке сказано больше, чем написано. Мы прочли, и нам стало очень ясно, как ревностно относится ее автор к своему творчеству, как обеспокоен он тем, чтобы люди не остались равнодушными к его стихам, чтобы они не пропустили мимо ушей ни одного сказанного им слова. А слова эти значительны, волнующи, сердечны. Гамзатов обладает чудесным даром смотреть на мир глазами человека, страстно влюбленного в жизнь, в свой народ, в свою Родину, и куда бы ни обратил он здесь свой взор, для него всюду источник вдохновенья, источник творчества.

Вот лирический герой стихов шагает по ночной Махачкале и сначала как бы машинально, а затем все осознаннее произносит вслух строгие названия ее улиц и площадей, и перед ним возникают, как живые, их «однофамильцы» — легендарные герои гражданской войны, о которых давно уже сложены песни. В глубокой тишине ночи поэт повторяет имена Кирова, Дахадаева, Оскара, Улубия, Котрова, и воскресают в нашей памяти дела и думы этих людей и зовут на труд, на борьбу, на подвиг.

Особенно удачной представляется мне поэма «Разговор с отцом». Здесь чудесно сочетается большая философская глубина с искрящейся эмоциональностью, гражданским пафосом.

Поэма посвящена теме художественного творчества и прямо перекликается с тем, что сказал Маяковский о месте поэта в рабочем строю. Но Гамзатов не просто повторил Маяковского, он сумел о самом сокровенном для художника сказать по-своему, языком заново найденных образов. Старый поэт Гамзат Цадаса обращается к лирическому герою поэмы Расула Гамзатова с такими словами:

Всегда выбирай потруднее
дороги.
Твой разум — в народе,
богатство — в народе.
Не бойся в пути запылить свои
ноги,
Как тот чистоплюй, что
на цыпочках ходит.
Не жди вдохновенья подобно
лентяю,
Который в саду, не смущаясь
нимало,
Часами лежит в холодке,
выжидая,
Чтоб спелое яблоко с ветки
упало.
. . . .
В поэзии надо работать
на совесть.
Не вздумай носить оденье
чужое,
Не вздумай лукавить, как
винноторговец,
Вино потихоньку смешавший
с водою.

Да, поэт не ждет дешевой славы, не ждет вдохновенья «подобно лентяю», учится «работать на совесть». Нельзя не пожелать ему успеха в этом с таким же темпераментом, с каким писались лучшие строки стихов его новой книжки.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Расул Гамзатов. ЛИРИКА. Изд-во «Молодая гвардия». 1954 год. 188 стр.

Здравствуй, Ходжейли!

Кармыс **ДОСАНОВ**

Здравствуй, город родной,
детских лет колыбель!
Я учился в Москве
и вернулся к тебе.

Все, что там я постиг,
я сберег и принес,
чтобы краше ты был,
еще выше ты рос.

О, как рад я, что вновь
вас увидел, узнал,
горный кряж Таслака,
Суенлийский канал.

О, как рад был, когда
мне открылся вдали
мост, застывший в полете
над волной Суенли.

Вот и школа. Когда-то,
в первый день сентября,
в первый раз здесь открыл я
первый лист букваря.

Если б снова она
собрала бы всех нас:
этот стал инженером,
тот ученый сейчас...

Как мне мил, Ходжейли,
каждый новый твой дом,
каждый новый завод,
парк, как я, молодой.

Это наша Москва
помогла Ходжейли,
как и всем городам
нашей светлой земли.

Здравствуй, город родной,
детских лет колыбель!
После долгой учебы
я вернулся к тебе.

Буду так я трудиться,
так работать и жить,
чтобы каждой кровинкой
твоим людям служить.

Перевел с каракалпакского
Петр ОЙФА.

ПОКУПАТЕЛЬ— ПРОДАВЕЦ— ПОСТАВЩИК

Этот магазин знают многие ленинградцы. Сюда приходят посмотреть, не появилось ли в продаже чего нового для домашнего обихода. Тут всегда многолюдно, и у прилавка часто услышишь, как кто-то настойчиво допытывается: «Какие новинки поступили?» Такой неопределенный вопрос странно прозвучал бы в другом магазине. А здесь он воспринимается как обычный. Вывеска обязывает: «Магазин новинок».

Работники этого магазина на Невском проспекте следят за рождением каждой новинки на предприятиях, осваивающих производство предметов, необходимых в нашем быту. И не только следят, но часто помогают «рождению» новых вещей.

Однажды в магазин зашла женщина и показала продавцу незамысловатую вещицу — шприц-кондитер. С его помощью можно украсить домашний торт кремом, как на фабрике.

— Хотела купить такой шприц,— сетует женщина.— Обошла несколько магазинов и не нашла. А этот образец знакомая привезла из Киева. Конструкция несложная, а машинка в хозяйстве нужная. Ленинградцам нехорошо от киевлян отставать.

В магазин был вызван представитель промкомбината Свердловского района, и новое производство вскоре наладилось. Демонстрируя эти шприцы, заместитель директора магазина Николай Афанасьевич Плоткин говорит:

— Покупатели многое подсказывают нам. Как-то в магазин пришла женщина с жалобой на широко известную печь «чудо»: тесто ближе к центру выпекается хорошо, а на краях — плохо. А несколько лет она пекла печенье на разборной форме — боковины легко отделялись от дна. Тут же было подробно описано устройство весьма удобной формы. Прошло немного времени, и по нашей просьбе артель «Металлист» стала выпускать новые разборные печи.

Так по сигналам покупателей ленинградские торговые работники добиваются освоения новых вещей. Не всегда это удается сразу.

...Пассаж. Один из крупнейших универмагов Ленинграда. К прилавку подходит девушка.

— Мне нужны крючки для гамака.

— Нет их у нас.

— Где же их найти? Я уже во многих магазинах побывала.

Продавец молча разводит руками...

Года два назад крючки поставляла артель «Сатурн». Попросили возобновить производство, но шли месяцы, а крючков не поступало. Мелочь — невыгодно возиться! Лишь после долгих усилий работников пассажа «проблема» крючков была решена.

Каждый продавец (а их в пассаже 380) регулярно записывает в тетрадку замечания и пожелания покупателей. Записи обобщают товароведы, заносят в свои журналы, а затем и в специальную книгу. Так определяется направление «главного удара». Начинается он с отправки стандартных писем поставщикам: «Просим рассмотреть вопрос о возможности изготовления изделий, на отсутствие которых жалуется покупатель». Часто такие письма остаются без ответа, и тогда-то начинаются большие хлопоты.

Немудреная, казалось бы, вещь — пяльцы для вышивок. Обычное деревянное кольцо. А сколько писем написано о нем!

Есть под Ленинградом Усть-Ижорский фанерный завод — поставщик сырья для этих самых пяльцев. Кажется, так просто — имея под рукою фанеру, наладить в одной из артелей несложное производство столь любезного сердцу вышивальщиц предмета. Между тем сырье везли под Москву, в Загорск, где существует артель, набившая руку на выпуске пяльцев. Оттуда фанеру уже в форме пяльцев грузили обратно в Ленинград. Но спрос был столь велик, что перекрывал предложение загорцев. В пассаже заинтересовались, почему нельзя изготовлять пяльцы у себя дома и в количестве, вполне удовлетворяющем ленинградцев. Обратились к руководителям местной промышленности, промкооперации. Последовал отказ. Тогда решили воспользоваться трибуной собрания актива работников местной промышленности. Коммерческий директор пассажа И. М. Левкович продемонстрировал фанерные кольца, привозимые из Загорска. Кое-кому стало стыдно. В перерыве к коммерческому директору подошел главный инженер промкомбината Смольнинского района Н. Я. Эйзов: «Освоим пяльцы. Дайте образцы». И освоили.

— Бывает и так,— рассказывает коммерческий директор,— что мы сами вынуждены искать поставщика. Вот история обыкновенной палки к половой щетке. В тетрадях наших продавцов десятки одинаковых записей: покупатели жалуются, что щетки есть, а пользоваться ими нельзя, нет палок. Как быть? Я обратился в «Ленобллеспромсоюз». Там развели руками: «Не можем ничем помочь. Сухой древесины нет. Артель «Металлолес», поставлявшая палки для щеток, с начала нынешнего года прекратила поставку. Древесина плохая». Мы написали письмо председателю Ленгорпромсовета товарищу Зернову. Результат? После долгих проволочек одна из артелей дала нам... 300 палок. Я поехал жаловаться в облплан. Здесь выслушали мой рассказ, от души посмеялись и в шутку заявили: «Да мы ленинградских хозяек палками закидаем».

По совету плановиков я поехал в областное управление лесного хозяйства. Там вовсе отмахнулись от палок. Тогда я узнал адрес ближайшего Приозерского лесхоза. Здесь радушно встретили меня и тут же спросили: «Двести тысяч палок устроят вас?» Оказалось, что при рубке леса попадаются длинные комельки, которые в лесхозе попросту сжигались на кострах. Комельки эти и есть та самая древесина, на отсутствие которой ссылались хозяйственники... История с палками благополучно завершилась, но почему дирекция пассажа должна связывать лесхоз с промкооперацией?

Да, трудно ответить на этот вопрос, как и на некоторые другие, неожиданно выдвигаемые жизнью перед работниками торговли.

Те из жителей Ленинграда, которых природа одарила внушительной талией, встали перед неожиданной трудностью: где достать поясной ремень? Все, что имелось в продаже, было рассчитано на тонкую талию: максимальная длина ремня — 110 сантиметров. Продавцы в пассаже зарегистрировали это печальное обстоятельство, и директору фабрики имени Бебеля было отправлено письмо: «Покупатель требует ремни длиною в 120—130 сантиметров, а вы поставляете — 110». Фабрика не замедлила отписаться: сослалась на технические условия, установленные стандарты. В пассаже не приняли это письмо на веру. Оказалось, что существуют и другие нормы, по которым можно и должно выпускать ремни длиною в 130 сантиметров. Послали письмо в министерство. И вскоре пришел ответ: отказ фабрики неосновательен, директору указано на недопустимость такого отношения к требованиям торгующих организаций.

Выяснилось, что фабрика решила экономить сырье за счет... толстых: цена-то одинаковая что за длинный, что за короткий ремень...

До недавнего времени ленинградцам, к их стыду, привозили предметы, которые раньше они изготовляли сами. В одном из магазинов нам показали простые чугунные гусятницы. В свое время их выпускал местный завод «Красная вагранка», а потом стали привозить из Московской области. Были и более дальние адреса. Деревянные угольники возили из Одессы, ученические пеналы — из Кирова, хозяйственные совки доставляли из Эстонии, а ореходавы (вот уж поистине сложный инструмент!) — из Павлова.

Много делается сейчас в Ленинграде, чтобы на полках магазинов было побольше товаров хороших и разных, чтобы все чаще в магазине новинок действительно появлялись новинки. Крепка нить, протянувшаяся от покупателя к продавцу, а от него к поставщику. Но немало еще надо потрудиться, чтобы вернуть Ленинграду былую славу города, где умеют делать и с душой делают не только генераторы, но и пеналы...

Л. ЛЕРОВ,
К. КОНСТАНТИНОВ

Ленинградский пассаж. В разгаре дня.
Фото Н. Ананьева.

Кумыш

А. СТАРКОВ

Фото С. Фридлянда.

Кумыш по-туркменски — серебро.

Кумыш зовут девушку, о которой я хочу рассказать.

I

...В районной газете сообщалось о приеме учащихся на штурманское отделение Чарджоуского речного техникума. И хотя Кумыш уже подала документы в педагогическое училище, она послала телеграмму в Чарджоу: «Интересуюсь, принимают ли девушек».

Кумыш не совсем ясно представляла себе, что делают штурманы. Знала, что они плавают на пароходах. Но пароходов она никогда не видела. В Векиль-Базаре текут только арыки. А до ближайшей реки, до Мургаба, далеко. Да и на Мургабе нет пароходов, там и лодки-то часто садятся на мель.

О больших реках рассказывал на уроках географии Карп Денисович, старый учитель, эвакуировавшийся в Векиль-Базар из Запорожья. Он говорил о народах, населяющих берега этих рек, о городах, о дальних странах. Рассказывал вдохновенно, красочно, и, слушая его, можно было подумать, что старик весь мир исходил и изъездил, а он, оказывается, всю жизнь прожил на одном месте и, если б не война, оставался бы в своем родном городе. Кумыш мечтала научиться вот так же красиво говорить, но еще больше ей хотелось увидеть то, о чем рассказывал на уроках Карп Денисович. И поэтому она предпочла речной техникум педагогическому училищу.

Ответная телеграмма пришла через день: «Выезжайте сдачи экзаменов». А еще через день Кумыш была уже в Чарджоу...

Окна комнаты, где заседала приемная комиссия, выходили на реку, на Аму-Дарью. В окна виднелись портовые причалы, краны, виднелись пароходы, низко сидевшие в пенистой кофейного цвета воде. Пароходов было много, они шли со стороны моря и в сторону моря, и на каком-то из них будет когда-нибудь плавать Кумыш.

А пока она стояла перед комиссией и в своем длинном туркменском платье из темно-красного шелка, в цветистом платке, из-под которого спускались на грудь две туго заплетенные иссиня-черные косы, совсем не была похожа на будущего штурмана.

Начало занятий принесло Кумыш немалые огорчения. На нее сразу свалилось столько неведомых понятий и названий — все эти «румбы», «трапы», «лопари», — что, казалось, жизни не хватит, чтобы усвоить такую премудрость! Потом ей почудилось, что преподаватели относятся к ней с большей снисходительностью, чем к другим студентам, и она сочла это обидным для себя.

Еще одно огорчение: Кумыш не умела плавать. Где же было раньше научиться? В арыке?.. А после первого курса — практика: студенты должны идти матросами на речные суда. Но какой же это матрос, не умеющий держаться на воде? Засмеют... И Кумыш по утрам, до занятий, бегала на Аму-Дарью. Она выбрала там укромный уголок, где никто не бывал. На Аму-Дарье и опытному-то пловцу трудно: стремительное ее течение не каждый переборет. Мелких мест не сыщешь даже у берега. Кумыш барахталась в реке, придерживаясь руками за нависший над водой куст. Разжать пальцы было боязно. Однажды ветка надломилась, и Кумыш сорвалась вниз, но тут же, вынырнув, почувствовала, что не тонет, и поплыла. Поплыла!

Специальные предметы — «Судовождение», «Лоция» — читал в техникуме капитан речного флота Георгий Никифорович Кривощапов. Он не обладал красноречием Карпа Денисовича, но практик был отменный. Человек резкий, шумный, общительный, Кривощапов не любил тихонь, середнячков — тех, что ни рыба, ни мясо.

— Прибедняетесь! — кричал он таким. — Хотите, чтобы труба пониже и дым пожиже... Проулочком желаете прошмыгнуть, теневой сторонкой. А я вот вас на ветерок, на солнце!

Был у него «пунктик»: считал, что суда водить — не женское дело. Злые языки утверждали, что довелось както Георгию Никифоровичу плавать под началом у женщины-капитана и он изрядно натерпелся от нее. Во всяком случае, Кривощапова Кумыш никак уж не могла заподозрить в снисходительности: он нещадно гонял ее на зачетах, но это как раз и нравилось Кумыш.

Георгий Никифорович повез первокурсников на практику. Эта практика была, собственно, морской, поскольку она проходила на Аральском море. Пусть оно внутреннее, пусть закрытое, а все же море.

Кумыш попала матросом на буксирный пароход «Чкалов». Матросу на любом пароходе хватает работы. А на буксирном подавно. В первом рейсе, когда «Чкалов» подошел к какому-то причалу, Кумыш подала на берег пеньковый конец, но, увидев, что течение продолжает относить пароход, ухватилась за натянувшийся канат. Правда, она тут же выпустила его из рук, да поздно: на ходовом мостике уже раздался смех... Кумыш подумала, что капитан «Чкалова», встретившись с Кривощаповым, непременно расскажет ему, как матрос Мамаева пыталась руками удержать пароход. И можно было себе представить, в каких выражениях, выслушав этот рассказ, выскажется Георгий Никифорович по поводу роли женщины на водном транспорте...

На палубе Кумыш работала в шароварах, заправленных в высокие сапоги, и если б не косы, которые она укладывала теперь вокруг головы, ее трудно было бы отличить от остальных матросов. А собираясь во время стоянки в порту на берег, она надевала свое любимое платье, в котором уже, понятно, не выглядела матросом.

И вот какой произошел случай.

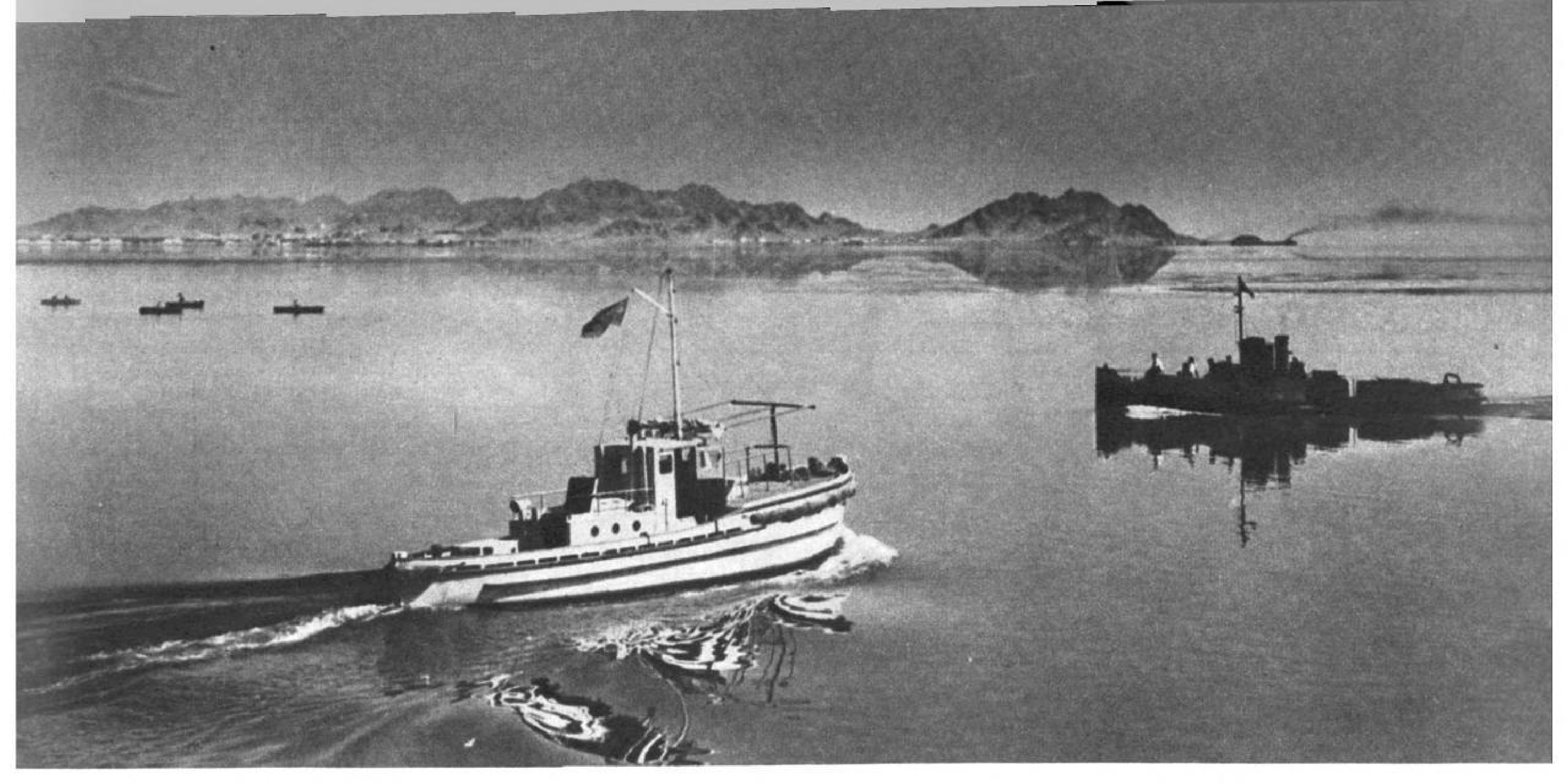
На танцах в городском парке Кумыш познакомилась с молодым человеком, студентом физкультурного техникума. В воскресный день он пригласил ее пройтись под парусом по заливу. Ветер был хороший, легкий, но, как всегда в таких случаях, неожиданно окреп и поднял волну. Спутник Кумыш решил блеснуть перед девушкой и попробовал сделать крутой поворот, на который при таком сильном ветре может осмелиться или рьяный парусник, или человек, ничего не смыслящий в парусах. Шлюпка резко накренилась, физкультурник пытался ее выправить, но не смог. Еще порыв ветра — и бортом зачерпнет воду. Кумыш схватила лежавший на дне нож и в два удара обрубила снасть — парус обвис. Потом она села за весла и начала выгребать к берегу. Юноша с изумлением взирал на нее, так и не догадавшись помочь.

А на берегу случился как раз Кривощапов, любивший прогуливаться вдоль причалов. Он все, конечно, видел и теперь накинулся на парня, выругал, прогнал с причала, а Кумыш молча пожал руку...

На следующее лето снова поехали в Аральск. Обычно второкурсники исполняют на практике обязанности дублеров рулевых. А в этот раз пароходство попросило Кривощапова выделить трех человек штатными рулевыми на только что отремонтированный грузо-буксиро-пассажирский пароход «Громов», который должен был плавать по Аму-Дарье. К немалому удивлению Кумыш, Георгий Никифорович назвал и ее в числе трех.

Кумыш Мамаева.

Представляете ли вы, что значит быть рулевым на Аму-Дарье? Это единственная в своем роде река. Буйная, своенравная, она за долгие годы так и не нашла себе постоянного ложа, постоянного русла. Все реки разливаются, и иные на многие километры, а эта совершает тигриные прыжки в разные стороны и тоже на десятки километров. Вчера в этом месте был поворот, сегодня река выпрямилась, а завтра снова повернет. Утром идете — дна не можете достать шестом, вечером возвращаетесь — островок! Пристани то и дело перемещаются: то с левого берега уходят на правый, то с правого на левый. Какая уж тут постоянная лоция, какие уж тут описания берегов, глубин — все это относительно, за рекой не поспеешь! На море куда

Красноводск. На рейде.

проще: взял курс по компасу и стой себе спокойненько. На Аму-Дарье так не постоишь. Аму-Дарья всю душу тебе измотает и вывернет наизнанку.

Кумыш не повезло: сорвавшейся во время швартовки цепью ударило по ноге, ушибло так, что целый месяц она с трудом волочила ногу. А в одном из рейсов, когда Кумыш стояла на руле, внезапно поднялась песчаная буря. Ветер гнал с берега столбы песка, сбивая их в сплошную завесу. Над рекой в миг стемнело. Песок покрыл палубу толстым слоем, забил все дырки и щелочки. Руль, скрипя, еле поворачивался. Кумыш не отходила от руля, хотя ветер пригоршнями кидал ей в лицо песок — сыпал в глаза, в рот... Позже, взглянув в зеркало, она ужаснулась: лицо, шея были исполосованы, словно ее хлестали мокрыми прутьями.

Все же это было славное лето. «Громов» ходил от Учсая до Чарджоу, пересекая территории двух союзных республик — Узбекской и Туркменской — и одной автономной, Кара-Калпакской. Сколько народу перебывало на палубах за эти три месяца! Сколько груза перевезли!.. Таскали баржи с нефтью. Грузились пшеницей. Подбрасывали шпалы на строительство железной дороги Чарджоу — Кунград. И, конечно же, возили хлопок. Для Кумыш это был самый приятный груз. Может быть, в этих толстых, плотно спрессованных кипах лежал и хлопок, собранный в ее родном Векиль-Базаре, собранный ее матерью! Да и сама она, Кумыш, совсем еще недавно считалась не из последних сборщиц. Ее руки ловко очищали кусты хлопчатника. А теперь эти руки лежат на штурвале парохода, идущего по Аму-Дарье.

И она оказалась, наверно, не таким уж плохим рулевым, если капитан «Громова» подал в техникум заявку: он просил прислать ему на будущий год в качестве дублера штурмана студентку-практикантку Мамаеву Кумыш...

II

...Кумыш в Ленинграде.

Диплом с отличием дал ей право, окончив техникум, поступить без экзаменов в Институт инженеров водного транспорта, на гидротехнический факультет.

Летом она могла отдохнуть, но проплавала третьим штурманом все на том же «Громове».

Первые дни в институте, как и первые дни в техникуме, были огорчительными: не давалась математика... Что же будет, когда начнутся сопромат, теория сооружений, гидравлика — там ведь сплошные расчеты!

На зимней сессии Кумыш «схватила» тройку по аналитической геометрии. Она решила, что с институтом не получилось, и, подождав, когда соседки по комнате разойдутся, начала собирать вещички...

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнула Кумыш, быстренько накинув газету на разбросанное белье.

И вошел Георгий Никифорович Кривощапов...

Окинув зорким оком комнату и смекнув, чтó тут происходит, он воздел руки к потолку и произнес:

— О Кумыш, вы были первым человеком, поколебавшим мои явно отсталые взгляды. И что же я вижу? Кажется, вы хотите бежать?.. А я вот приехал на трехмесячные курсы. И думал, что вы покажете мне Ленинград. Как же теперь? Неужели оставаться одному в незнакомом городе! Я прошу вас повременить хотя бы три эти месяца, золотце мое...

— А я совсем не золото, — подхватила Кумыш его шутливый тон. — Я серебро. Вот сестру мою зовут Тылла. Это — золото. И откуда вы взяли, Георгий Никифорович, что я уезжаю? Просто приболела немного, не пошла на лекцию и решила прибрать в комнате.

— Я так и думал, — сказал Кривощапов. — С вашим характером не покидают поля боя...

Так никто и не узнал, что она собиралась уйти из института.

Соседками по комнате в общежитии были у Кумыш Нина Лоскутова из Саратова, землячка Чернышевского, и Машенька Молчанова из Холмогор, землячка Ломоносова. У Кумыш не было таких знаменитых земляков, но приятельницы шутили, что она сама будет знаменитой.

У трех подружек все было на троих: деньги, еда и даже наряды.

Говорят, чтобы человека узнать, надо с ним пуд соли съесть. Кумыш, Нина и Машенька подсчитали как-то шутки ради, сколько же соли съели они за год. На долю каждой вышло по пуду. Значит, узнали они друг друга неплохо.

По воскресным дням подружки закатывали пиры — пекли пироги. «Книгу о вкусной и здоровой пище» они не достали. Раздобыли попроще: «Детская кухня». В ней были те же рецепты, только напечатанные на плохой бумаге. Тесто раскатывали на чертежной доске, пекли в чудо-печке. В комнату к ним на запах пирогов стекались студенты со всего общежития. Известный институтский острослов и любитель покушать Жора Бельский утверждал, что пироги удаются девушкам почему-то лучше, чем чертежи, хотя и те и другие рождаются на одной доске. Это был мелкий выпад: чертили подружки отлично, особенно Кумыш, у которой, кстати сказать, и математика пошла теперь веселей.

В гости к Кумыш наведывались туркмены, учившиеся в ленинградских институтах. Чаще других бывал Иззат Клычев, студент Академии художеств. Он хорошо знал Ленинград — во время войны служил здесь в армии — и был приятным спутником в прогулках по городу. Иззат заканчивал Академию художеств и работал над дипломной картиной. Когда Кумыш спрашивала, чтó он рисует, Иззат загадочно улыбался и отвечал:

— Я пришлю вам билет на нашу выставку...

Билет он прислал весной. Кумыш позвала с собой Нину Лоскутову. Как только вошли в выставочный зал, Нина воскликнула:

— Смотри!

А Кумыш уже увидела.

Картина называлась «В Кара-Кумах». Группа изыскателей остановилась в пустыне на короткий привал. Они, видимо, заинтересовались местностью, поставили теодолит, раскладной походный столик, разложили карты и занялись своим обычным делом. За столиком склонилась над картой девушка-туркменка. И в ней Кумыш узнала себя. Узнала и рассердилась. Еще новости! По какому такому праву Иззат взял да и изобразил ее! Вот почему он загадочно улыбался. Хорошо же, сейчас она ему задаст!

И Кумыш, разыскав художника, тут же, в зале, начала его отчитывать.

— Вы исказили действительность, — сказала она. — Я не работала в Кара-Кумах. Я проходила практику на реке Луге, потом была на строительстве Сталинградской ГЭС, а в прошлом году ездила на Волго-Дон... В Кара-Кумах я не была.

— Но вы же, Кумыш, родились недалеко от Кара-Кумов, — начал было Иззат.

— Повторяю, я не работала там.

— Художник имеет право на домысел, — попытался Иззат снова вставить словечко.

— Я не знаю, каковы ваши взгляды на искусство, но, мне кажется, оно должно быть прежде всего правдивым...

И вдруг на защиту Иззата выступила Нина Лоскутова.

— Кумыш, — сказала она, — ты зря негодуешь. В данном случае ты только типаж. Понимаешь, типаж.

Этот довод в защиту Иззата показался Кумыш убедительным, и она смягчилась.

— Ну, ладно, — сказала она. — С художника взятки гладки.

— Ты не должна обижаться, — продолжала Нина. — Вид у тебя на картине вполне благопристойный. И большого отступления от правды жизни я тоже не вижу. Ты не работала в Кара-Кумах. Но могут тебя как гидротехника послать на Кара-Кумский канал? Могут...

Эту маленькую репродукцию своей картины Иззат подарил Кумыш.

Разговор принял мирный характер и кончился тем, что Иззат подарил Кумыш маленькую репродукцию своей картины с такой надписью: «Уважаемой Мамаевой Кумыш в преддверии ее большой будущности и в начале моего скромного творческого пути...»

— До чего ж вы, Иззат, хитрющий! — сказала Кумыш, прочитав эту дарственную надпись.— И вредный...

...Время бежит, и пора уж было готовить дипломный проект.

Кумыш поехала на Оку.

Там, вблизи Каширы, в районе Мутёновских перекатов, названных так по речушке Мутёнке, впадающей в Оку, она исследовала участок реки протяженностью в четыре километра.

Судоходство на этом участке претерпевает трудности: дно все время заносит песком, и нужно каждое лето вести углубительные работы. Землечерпалки не уходят с реки, роют и роют. А песок все наносит и наносит...

Кумыш просмотрела в бассейновом управлении архивы за двадцать лет. Подсчитала, что Мутёновские перекаты обошлись государству в немалую копеечку. А не рыть нельзя: остановится судоходство. И все же обязательно ли рыть? Нет ли другого способа?

Кумыш прочитала всю литературу о перекатах — волжских, днепровских, енисейских, амурских, окских. Вспомнила свои плавания по Аму-Дарье. И вот какой план постепенно складывался у нее.

Течение на Мутёновских перекатах сильное, расходы воды огромны, а грунт мягкий, вода его моет, и песок, размытый в одном месте, ложится в другом. Поставим полузапруду. Это нехитрое сооружение в значительной степени погасит энергию водного потока. Но это не все. Река делает крутой поворот, вода ударяется с разгона о правый берег, тоже размывает его, унося песок, который ложится на дно в нижнем течении. Укрепим правый берег бунами, обложим его камнем...

Дипломный проект назывался «Капитальное улучшение группы Мутёновских перекатов на Оке».

Наверно, это — очень приятное чувство, когда ты уже дипломным проектом можешь внести какое-то улучшение в дело, можешь помочь людям.

На выпускном вечере, вручая Кумыш диплом, директор института сказал, что рад приветствовать в ее лице первую туркменку-инженера. Кумыш хотела поправить директора: она не первая, на прошлой неделе в Москве получила диплом инженера-химика Биби Халиева, вот кто первая... Но момент был торжественный, и Кумыш промолчала.

Всю ночь после выпускного вечера — а ночь была белая — новоиспеченные гидротехники прощались с Ленинградом. Шумной толпой они гуляли по городу, распевая песни, и милиционеры не останавливали их как нарушителей спокойствия. Милиционеры понимали: люди окончили институт, не грех немножко пошуметь...

III

Есть на водном транспорте беспокойная такая должность: «заведующий обстановкой».

Обстановка на море, на реке — это маяки, буи, бакены, створные знаки, вехи.

Кумыш «заведует обстановкой» в Красноводском морском районе.

Залив, на берегу которого стоит Красноводск, мелок для морских судов. Для них прорыт специальный канал, идущий далеко в море. Огни на маленьких маячках-буях, на створных знаках говорят капитану: канал здесь, смело иди сюда!

К морскому Красноводскому району относится и порт Бекдаш, что стоит у входа в Кара-Богазский залив, и рыбачий Гасан-Кули, и нефтяной Челекен. Так что хозяйство Кумыш раскинулось на многие мили.

Под началом у «заведующего обстановкой» целая флотилия землечерпалок, которые сторожат глубины, и катеров, всегда готовых поспешить туда, где погас огонь.

Вот с моря радируют: не горит девятый буй. Это сообщение одного из судов ловят все суда, находящиеся сейчас в море: девятый буй не горит... девятый буй не горит... Значит, подход к Красноводску опасен ночью, надо ждать утра.

Нет, не надо ждать утра! Из бухты уже выскочил стремительный катерок «Соляник». На борту, уцепившись за поручни, стоит Кумыш. Смотритель огней заболел, и она сама идет в море. Вглядывается в темь: где он там, буй номер девять?.. А волна такая, что катерок взбирается на нее, как на крутую горку, и скатывается, как с горки. Вон он, девятый. Но как к нему подойти на такой волне? Рулевой перекладывает штурвал, меняет курсы, старается так сделать, чтобы начальству удобней было прыгнуть. Девушка, создание слабое, оступится, потонет — отвечай потом. Но Кумыш кричит рулевому:

— Смелей! Чего вы тянете?

Смелей, так смелей. Катер пронесся вдоль буя, едва не задев его, а Кумыш уже там, ухватилась за мокрую, скользкую перекладину, подтянулась на руках и зажигает огонь. Рулевой в удивлении: откуда такая прыть? Не знает рулевой, что Кумыш Мамаевна плавала матросом на Аму-Дарье.

Огонь зажжен. Надо скорей возвращаться в порт, чтобы радисты передали в море: девятый горит!

«Соляник» проходит мимо судов, стоящих у портовых причалов. Вон «Низами» грузится пшеницей. Это — невиданное дело для Красноводска. Обычно здесь пшеницу только выгружали: она прибывала морем из центральных районов страны. А теперь грузят — из Казахстана, с целинных земель пошла пшеничка... Вот «Хатанга» берет хлопок. Рядом — «Туркестан», пришедший из Баку с пассажирами.

Утро, и снова неутомимый «Соляник» с «заведующим обстановкой» на борту покидает бухту.

Курс — в открытое море.

ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД ГОРОДОВ

Сравните две карты любого города нашей страны — карты довоенного и настоящего времени. Насколько больше зеленой краски на новой карте! В Москве, например, за послевоенные годы высажено свыше 17 миллионов деревьев и кустарников. Это настоящий лес!

В осенние дни, когда желтеют и опадают листья, у озеленителей наступает самая напряженная пора.

В Москве уже часто моросит осенний дождик, по утрам случаются заморозки, а садовники высаживают на клумбах бульваров тюльпаны, ирисы, пионы. На улицах столицы можно встретить автомашины, нагруженные деревьями, бульдозеры, самосвалы, буровые машины. Идет посадка почти миллиона деревьев и кустарников, вырастают новые скверы.

По направлению к ВСХВ движутся машины с лиственницами, к Киевскому вокзалу везут клены, липы, березы, а на юго-запад столицы, на Ленинские горы,— яблони, вишни, сирень. Большой сквер раскинулся в районе Ново-Песчаной улицы. Он немного моложе окружающих его многоэтажных зданий. Деревца высаживаются на многих магистралях. Сейчас они еще очень молоды, но скоро смогут поспорить красотой с полувековыми липами на Можайском шоссе.

Почти в десять раз возрос за годы Советской власти зеленый наряд Москвы.

В скверах столицы высажены новые сорта сирени, на бульварах Риги появились хризантемы. В Коми АССР уже не в диковинку уличные посадки яблонь, малины, смородины.

Больше 120 тысяч новых деревьев и кустов появится этой осенью в Баку. На пять километров вдоль Нижне-Бульварной улицы протянутся посадки шелковицы и белой акации. Будущей весной в городе зазеленеют новые посадки — маслины и платаны, клены и тополи.

Быстро растет город-герой Сталинград. Не отстает здесь и зеленое строительство: еще 180 тысяч деревьев и кустарников украсят в этом году городские улицы и площади.

Посадка деревьев в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

Фото Р. Лихач.

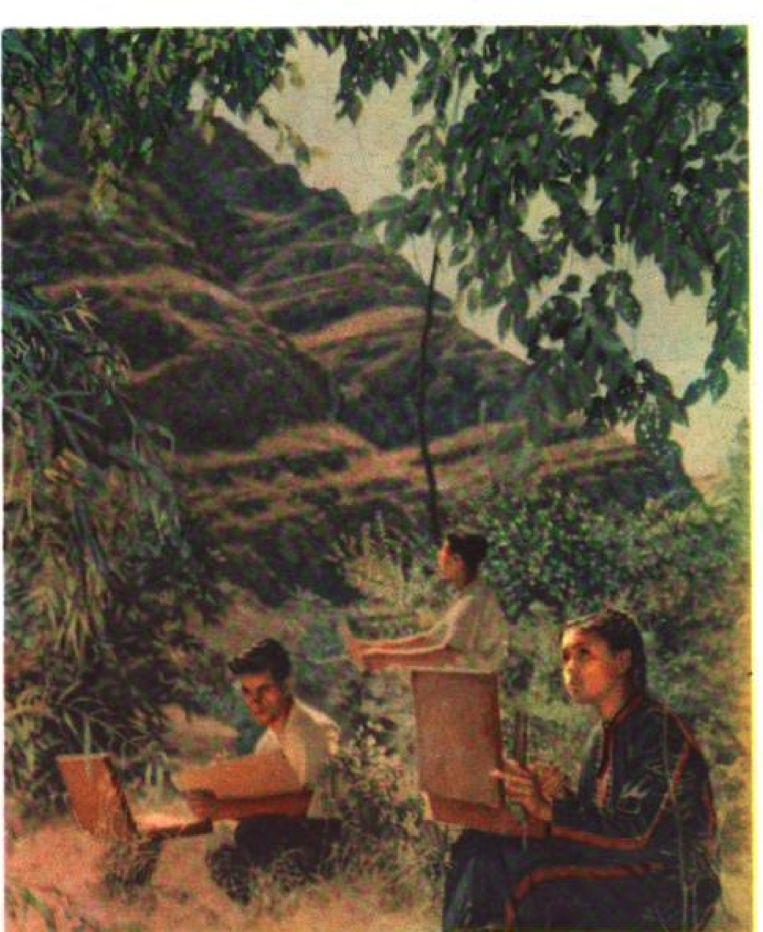
Е. ВЕЛТИСТОВ

На тенистых улицах столицы Туркмении — Ашхабада — вырастают десятки новых красивых зданий. На снимке: новая школа на проспекте имени Сталина.

Все больше туркменских девушек получает образование в высших учебных заведениях республики. На снимке: студентки Туркменского медицинского института (слева направо): Зейнаб Худайназарова, Эне Бекназарова и Огульджамал Сахатова.

Ашхабад. Октябрьская улица.

Молодые художники работают над эскизами в живописном Фирюзинском ущелье. Слева направо: Кульназар Бекмурадов, Уразгельды Байгельдыев и Вера Гылиева.

←

Доцент Аннагуль Языкова ведет научную работу и одновременно руководит кафедрой почвоведения в Туркменском сельскохозяйственном институте. На снимке: Аннагуль Языкова (справа) и студентка 4-го курса агрономического факультета Сабир Аннаева в лаборатории.

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

КУДА

ЕДУТ ЗВЕРИ?

Это был знаменательный день в жизни слона Володьки: у него наконец появилась подруга. Слоны приветливо помахали друг другу хоботами и начали о чем-то оживленно беседовать по-своему.

До сих пор семейная пара слонов была только в Московском зоопарке, а теперь появилась и в Ереване.

Своим счастьем Володька и Дикки обязаны зооцентру...

Зооцентр — одна из самых своеобразных торговых организаций в нашей стране. Ее товар — звери, птицы, словом, все животные, необходимые зоопаркам, зоосадам, зоовыставкам, уголкам юннатов, циркам, научно-исследовательским учреждениям. Добывают живых зверей семь специальных охотничьих баз, расположенных возле Владивостока, в Иркутске, Фрунзе, Сталинабаде, Кировабаде, Астрахани и Архангельске. Кроме того, животных обменивают. Ежедневно в Московский зооцентр приходят письма и телеграммы с заявками и предложениями.

Из Туркмении сообщают: «Пойман барс. Капканом повреждена задняя нога. Все же можно продать какому-нибудь зоопарку, так как барс всегда лежит к публике головой, а ходить начинает поздно вечером. Так что дефекта никто не заметит».

Фрунзенская база шлет телеграмму: «Самолетом отгрузили трех дикобразов, четырех винторогих козлов. Обеспечьте встречу».

«Можем заготовить желтопузиков»,— телеграфируют из другого места.

И зверей отправляют самолетами, на грузовиках, в товарных и пассажирских поездах. В апреле из Праги на Киевский вокзал скорый поезд № 18 доставил редких пассажиров: шесть африканских шимпанзе, молодого ягуара и несколько маленьких макак-резусов. Небольшие клетки были закутаны в одеяла и быстро перегружались в автобус.

Среди зверей, которые получал в последнее время зооцентр,— американские капуцины, павианы-сфинксы, редкие китайские обезьяны, именуемые «черные листья», крокодилы с Янцзы, американский тапир. В течение минувшего года одних только обезьян было куплено и обменено более четырехсот. Живые грузы поступали из различных республик Советского Союза, из Китая, Чехословакии, Польши, Болгарии, Англии, Голландии, Франции, Дании. В свою очередь, и зооцентр отправлял зверей за границу. В Китай, например, была отвезена пара белых медведей, потом зубробизон. Скоро поедет к нему еще один из Приокско-Террасного заповедника.

Предполагается обмен зверями с Индией, Соединенными Штатами Америки и Бельгией: переписка на этот счет уже ведется. У заграничных фирм большой спрос на барсов. Недавно из Лондона написали: «Согласны приобрести бездефектного барса. В обмен дадим черную пантеру».

Предложение подходящее. Но барс, которого хотели иметь англичане, в то время еще разгуливал где-то по Памиру, его нужно было поймать и притом «без дефектов», не нанеся ему никаких увечий. В поход за ценным хищником отправился опытный охотник Дмитрий Прокофьевич Дементьев, директор таджикской базы зооцентра. Дмитрий Прокофьевич уже более тридцати лет охотится за зверем. Особенного искусства достиг он в ловле живых барсов. Дементьев стал применять для этого старинные каменные таджикские западни, которые никогда не калечат животных. Нелегкое это дело — устроить среди скал ловушки для высокогорной кошки, как называют барса. Можно не торопиться с осмотром: барс способен до двух недель жить без еды.

Выйдя на охоту, Дмитрий Прокофьевич и его спутники преодолели несколько тяжелых и опасных подъемов, едва не погибли от неожиданного горного обвала, но все же добыли зверя. Спуск с гор длился около месяца: если высокогорного барса спускать быстро, он погибает.

Есть и еще одна, очень важная цель перемещения животных, осуществляемая зооцентром: акклиматизация на новых местах. Пойманные в Иркутской области соболи полетели самолетами в Якутию и там были выпущены на волю. Бобры с Березины и Припяти переправлены в Удмуртию и Омскую область. Попавшая в руки звероловов норка рассталась с Алтаем — ее отправили в другую область.

Кроме всех этих плановых дел у зооцентра есть и непредвиденные, так сказать, стихийные хлопоты. Вот почтальон принес заказное письмо из Ярославской области от охотника Ивана Ануфриевича Малышева. Он сообщает: «Имеем трех живых медвежат, возраст — полтора месяца. Хотим знать, купите, нет ли. Даем сроку для ответа 10 дней».

Индивидуальные предложения поступают не только в письменной форме. Однажды ровно в девять утра в зооцентре требовательно позвонил телефон. В трубке слышался взволнованный женский голос:

— Это зооцентр? Послушайте, купите у нас крокодила. Откуда он к нам попал? Мой муж, капитан дальнего плавания, привез. Где держим? В ванной. Измучились, сил больше нет. У мужа уже все брюки рваные из-за этого проклятого крокодила. Да и обжора он невозможный. Значит, возьмете? Большое спасибо!

А вот визит без предупреждения. К заместителю директора зооцентра Ирине Борисовне Корсаковой пришел артист-певец, таща за собой на веревке упиравшегося мишку.

— Водил этого дебошира в милицию — не взяли. Направили к вам. Сможете вы с ним сладить? Прямо как гора с плеч.

Звери куплены. Избалованный и испорченный печеньем, конфетами, мороженым и даже вином молодняк направляется в подмосковную базу — так называемый «пункт передержки». А в нем собирается ни много, ни мало до пятисот зверей и птиц. После месячного карантина определяется судьба животных. Одни зачисляются в «штат» зоопарков, другие попадают к юннатам, третьи — в цирк, четвертые становятся «киноактерами», пятые едут на обмен в ближние и дальние страны. Значит, снова в поезд или самолет, на новые места. И, опережая необычных путешественников, мчится телеграмма: «Звери едут. Встречайте».

Вл. РУДИМ

Фото Г. САНЬКО.

Эти две почтовые посылки из Туркмении не задерживались в пути: каждый старался поскорее избавиться от опасного груза.

Скорый поезд № 18 привез на Киевский вокзал необычных пассажиров — макак-резусов.

— Алло! Зоопарк? Не нужен ли вам живой медвежонок?

ЧАСЫ

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунки А. Тарана.

Анна Сергеевна получила письмо от сына. Петя писал:

«У вас, конечно, еще лежит снег, а у нас в Чрта-Гюль цветут маки, так что если посмотреть с высоты птичьего полета, то по всей пустыне как бы разбросаны полотнища кумача: прямо бери кисть, белила и пиши по ним лозунги. Живем в палатках, спим на кошмах, чтобы не забирались тарантулы. Работы очень много — с утра до вечера, и я, потому что некогда, отрастил усы. Недавно делали большой переход — 80 километров,— и верблюд раздавил мои часы. Я в дороге не заметил, как порвался ремешок, а сзади шел верблюд Федька — высокомерное, надменное и презрительное животное, и твоим «непромокаемым» часам наступил конец. Я убежден, что Федька сделал это нарочно, он любит устраивать людям пакости. Это парадоксально — часы погибли под верблюдом!»

— Да, это парадоксально! — в волнении прошептала Анна Сергеевна, прочитав письмо. — Ах, бедный мальчик!

Слово «парадоксально», казалось ей, означало что-то печальное. В конце письма была приписка:

«Узнай, почему молчит Вера. Скоро уже две недели, как ничего от нее не получал».

И когда она прочла эту приписку, сделанную как бы между прочим, то весь добрый, веселый тон письма сразу потускнел, и смысл его изменился. Письмо показалось ей нетерпеливым и тревожным.

Анна Сергеевна попыталась представить Петю с усами, но не смогла и засмеялась и заплакала оттого, что у нее такой взрослый сын.

Эта маленькая бледная женщина с большими темными глазами, в которых никогда не исчезало вопросительное, кроткое выражение, носившая старенькие, старательно перелицованные и подновленные платья и покупавшая себе, потому что дешевле, туфли для подростков, работала кассиршей в строительной конторе. За отца Пети, солдата, погибшего в 1942 году на Смоленщине, ей выплачивали пенсию. После гибели мужа она думала только о Пете.

Петя, круглолицый, стройный, русоволосый, был похож на отца. Анна Сергеевна даже находила, что у него и походка-то отцовская — такая же широкая и уверенная. А в последнее время ей стало казаться, что сын похож еще и на Олега Кошевого. Это ведь не секрет, что любая мать без труда может вдруг открыть в своем ребенке те черты, каких в нем и нет, но какие хочет видеть в нем она сама.

Раньше Анна Сергеевна считала, что решительно все знает о своем муже и меж ними не бывает никаких тайн. Кажущееся отсутствие этих тайн делало ее тогда постоянно счастливою. Теперь она тоже думала, что меж нею и Петей все хорошо и ясно, и основное свое внимание уделяла тому, чтобы Петя никогда ей не лгал, сама же изо всех сил старалась скрывать от него и свои грустные мысли и трудные случаи, которые происходили с нею. Это она, по святой доброте матери, не считала ложью.

Жили они в длинной и узкой комнате в старом двухэтажном деревянном доме на окраине Москвы. Дом стоял в тупике, под окном росла высокая тощая акация, такая же ветхая, как и сам дом.

Как-то весною, это было уже после войны, один из сослуживцев, инженер, холостяк, неожиданно сделал Анне Сергеевне предложение. В конторе все находили, что этот инженер — очень интересный человек, прекрасный работник, много зарабатывает, и были удивлены, когда Анна Сергеевна отказала ему. Ее осуждали, говорили, что она поступила необдуманно, что выйти замуж в ее годы не так-то легко и что, если подвернулся счастливый случай, надо им воспользоваться и благодарить судьбу, а не разыгрывать из себя невесть что. К тому же у нее подрастает сын, надо подумать и о нем, жить им на заработную плату кассирши да на пенсию нелегко, и живут-то они в очень скверных условиях, а у инженера прекрасная квартира в новом доме на Ленинградском шоссе. И никто не знал, что она отказала инженеру только из-за Пети. Мальчику уже шел семнадцатый год, и она боялась, что Петя может осудить этот ее поступок, как говорят, замкнется в себе и перестанет быть откровенным с нею.

Когда Петя получил аттестат зрелости, Анна Сергеевна подарила ему часы. Часы были очень хорошие, с черным циферблатом, светящимися стрелками и, как ей сказали в магазине, не пропускали воду. Петя принял часы с таким невозмутимым видом, с каким только и подобает человеку его возраста принимать подарки, но когда мать отвернулась, он надел часы на руку и, приблизив их к глазам, долго следил, как движется по кругу, подергиваясь, секундная стрелка, а потом отстранил руку в сторону и стал любоваться часами издалека. При этом он улыбался.

Анна Сергеевна, довольная даже больше самого Пети, с гордостью сказала:

— К тому же они не промокают.

Петя укоризненно посмотрел на мать:

— Это, мама, часы, а не галоши.

— Так мне сказали в магазине.

— В магазине тоже иногда попадаются глупцы,— проговорил Петя и, горячась, стал объяснять, что называть часы непромокаемыми значит быть невежественным человеком, а надо говорить водонепроницаемые, и что даже восьмилетнему мальчишке давно уже известно, что у таких часов между крышкой и корпусом проложена резиновая прокладка, крышка навинчивается, а там, где проходит заводной маховичок, установлен масляный сальник.

Петя, разумеется, не знал о том, каких трудов стоило матери купить эти часы. Она ежемесячно откладывала от заработной платы, но часы тогда стоили очень дорого, раза в три дороже, чем сейчас, и у нее не хватило четырехсот рублей — огромной для нее суммы; пришлось обратиться в кассу взаимопомощи.

Когда в конторе узнали, для чего Анне Сергеевне потребовалось столько денег, то все начали уговаривать ее не делать такого дорогого подарка, но у этой тихой, застенчивой женщины оказался вдруг настойчивый и упрямый характер.

— У мальчика огромное событие, и я должна сделать так, чтобы об этом дне у него осталась память на всю жизнь, — заявила она.

После школы Петя поступил в геологический, и ему сшили студенческий мундир с золотыми вензелями на погонах, и Анне Сергеевне снова пришлось занимать для этого деньги и отказаться от некоторых необходимых вещей. Петя был очень красив в новом мундире. Анне Сергеевне казалось, что он похож на Лермонтова.

Став студентом, он держался независимо, начал курить папиросы, и вместо мальчишеской заносчивости в его характере незаметно появилось что-то насмешливое, покровительственное, и он уже часто говорил матери: «Ты ничего не понимаешь» или «Я уже, мама, не маленький», то есть говорил те самые слова, какие обычно говорят молодые люди, достигшие совершеннолетия и считающие поэтому, что только они способны дать правильную оценку всем случаям жизни.

Анна Сергеевна продолжала думать, что отсутствие тайн и секретов между женою и мужем, матерью и сыном лежит в основе благополучия каждой семьи, и считала большим своим достижением, что Петя от нее ничего не скрывает.

Но однажды мать увидела на столе, очевидно, забытую Петей фотографию незнакомой девушки и прочла на обороте, что эта карточка еще год тому назад подарена «дорогому и навек любимому Пете от Веры».

С фотографии на Анну Сергеевну смотрело курносое и, как ей показалось, добродушное существо. Из приписки, сделанной на той же фотокарточке петиной рукой, выяснилось, что эта незнакомая ей девушка теперь для Пети «дороже всего на свете». У Анны Сергеевны, когда она прочла все это, появилось такое растерянное, жалкое чувство, будто у нее грубо отняли нечто необычайно дорогое для нее и никогда больше не вернут. И по какой-то странной ассоциации именно сейчас она подумала о том, что ей уже много лет и что она вдруг оказалась непоправимо одинокой.

Она подумала о том, как трудно ей было воспитывать сына, и заплакала. Слезы подействовали на нее успокаивающе, и, наплакавшись, она, вздыхая, вложила фотографию в альбом, где хранились семейные снимки.

С Петей они не сказали о Вере ни слова, хотя сын, обнаружив карточку в альбоме, долгое время смущенно и виновато поглядывал на мать.

Ровно через год Петя сообщил матери, что они решили пожениться. И опять Анна Сергеевна побежала в кассу взаимопомощи и виновато и радостно рассказывала всем, что Петя женится. Ей советовали устроить свадьбу поскромнее, но она, искренне ужасаясь, всплескивала руками и, делая умоляющие глаза, говорила:

— Что вы, что вы! Как можно! У мальчика такое огромное событие! Нужно сделать так, чтобы он помнил об этом дне всю жизнь!

После свадьбы Петя переехал жить к Вере, у родителей которой была прекрасная квартира, а мать осталась одна в своей длинной, узкой и неуютной комнате. Петя все реже и реже стал бывать у нее, потому что ездить нужно было чуть ли не через весь город, а они с Верой были очень заняты: готовили дипломные работы.

После института Верочка осталась в Москве, а Петя поехал с геологической партией в Узбекистан. Когда провожали Петю на вокзал, он казался очень расстроенным, а Анну Сергеевну обеспокоило, что петин товарищ, тоже оставшийся в Москве, слишком предупредителен и учтив с Верой. Когда поезд ушел, он взял Веру под руку и, смеясь чему-то, повел ее к выходу.

Три месяца она не имела от сына никаких известий. Когда ей становилось тревожно за Петю, она звонила к невестке и, смущаясь, спрашивала о его здоровье. Вера отвечала односложно, и матери казалось, что невестке скучно разговаривать с нею о Пете.

Но вот наконец Анна Сергеевна получила от него письмо. Она прочла его вечером, придя со службы. На дворе стоял март, было пасмурно, сыро, с крыш капало, ноги у нее промокли, но она, даже забыв переобуться, поспешила к соседям со своей радостью.

А на следующий день, выучив письмо наизусть, говорила у себя в конторе:

— Это парадоксально — часы погибли под верблюдом! — И скоро все уже знали, что Петя живет в палатке, спит на кошме, что ему недавно пришлось срочно сделать изнурительный переход, а в пустыне Чрта-Гюль сейчас цветут маки, и если посмотреть с высоты птичьего полета, то покажется, будто по земле разбросаны лозунги. Матери казалось все это необыкновенно значительным.

— Я ума не приложу, как он там будет без часов обходиться, — с беспокойством говорила Анна Сергеевна, и ей на самом деле казалось, что жить в пустыне без часов совершенно невозможно.

Она три раза звонила Вере, но той дома не оказывалось.

Застенчивая Анна Сергеевна принадлежала к натурам решительным и твердым. У нее были небольшие сбережения, которые она откладывала от заработной платы, чтобы купить себе демисезонное пальто. Теперь она пришла к выводу, единственно правильному, к какому только и может придти мать, что старое ее пальто не так еще плохо, и если летом вновь отдать его в чистку да сделать из старой бархатной шляпки к нему воротник, то его можно будет носить еще не один год. Эта мысль очаровала ее, и уже на следующий день в пустыню Чрта-Гюль была отправлена посылка с объявленной ценностью, а полторы недели спустя почта вручила эту посылку Пете. Он откупорил ящичек, вытряхнул из него вату и, недоумевая, извлек футляр с часами, у которых вместо ремешка была металлическая браслетка.

«Милый мальчик, я живу хорошо, ты обо мне не беспокойся. Вера тебя тоже очень любит», — читал он, чувствуя, как этот маленький клочок бумаги, исписанный старательным почерком матери, словно раскаленный знойным пустынным солнцем, начинает жечь ему пальцы.

Он представил себе мать, маленькую, кроткую, рано состарившуюся и поседевшую, и ему стало невыносимо стыдно оттого, что так небрежен и невнимателен был к ней, думая только о себе, о Вере, и ждал письма только от Веры, и еще потому, что «непромокаемые» часы были целы. Он просто поменялся ими с товарищем и ради шутки, чтобы мать посмеялась, и еще потому, что решительно не знал, что ей написать, придумал эту забавную историю с верблюдом

В мире науки и техники

Телевизор в лаборатории

В светлом кабинете то и дело раздается команда профессора К. П. Молоканова:

— Подойдите ближе к экрану... Повернитесь правым боком... Левым...

И тотчас на стеклянном экране небольшого ящика возникают изображения грудной клетки, легких, сердца...

Но вот щелкнул переключатель, и мгновенно изображение исчезло.

— Осмотр окончен. Можете одеваться, — передает в микрофон профессор и записывает результаты только что произведенного рентгеновского исследования.

Но где же больной? Он находится в помещении, расположенном совсем в другом конце здания, один на один с рентгеновским аппаратом. Вместо врача перед экраном аппарата расположился на штативе небольшой телевизионный передатчик.

Эта портативная телевизионная установка создана группой сотрудников Научно-исследовательской лаборатории физических методов исследования материалов под руководством В. С. Соколова. Она представляет собой конструктивно измененную обычную передвижную телевизионную установку, с помощью которой ведутся передачи из театров, из концертных залов, со стадионов.

Кандидат технических наук В. С. Соколов (слева), старшие инженеры Р. В. Терский и А. Г. Кубих испытывают новую телевизионную установку.

Фото Б. Кузьмина.

Опыты, проведенные с новым устройством в Институте гигиены труда и профессиональных заболеваний, показали, что наибольшая четкость и контрастность изображений достигается при рентгеновском просвечивании конечностей.

Применение новой установки избавит рентгенолога сразу от двух зол: облучения рентгеновскими лучами и неизбежной темноты в кабинете.

В технике подобная телевизионная установка сможет найти самое разнообразное и широкое применение: для наблюдения за уровнем воды в мощных паровых котлах, для передачи изображения при непрерывном контроле качества свариваемых швов, для наблюдения за работой станков и механизмов и т. д.

Созданному устройству предстоит сыграть большую роль и в научно-исследовательских работах. С его помощью человек сможет заглянуть в такие труднодоступные места, как кратеры вулканов, буровые скважины, многокилометровые океанские глубины, станет свидетелем многих процессов, ранее недоступных наблюдению.

С. ИКОННИКОВА

Удивительные магниты

Магнитными свойствами обладают все вещества, даже жидкости и газы. Но сильно намагнитить можно только четыре элемента: железо, кобальт, никель и редкий металл гадолиний, а также их сплавы. Все эти элементы называются ферромагнетиками, и всех их отличает наличие так называемой задерживающей силы. Что это такое?

Железный сердечник — обязательная часть любой электрической машины — то намагничивается, то размагничивается: ведь по нему протекает ток, непрерывно меняющий свою величину и направление. Но размагничивание сердечника всегда происходит с запозданием. Дело в том, что все ферромагнитные материалы задерживают, сохраняют некоторое количество «остаточного магнетизма». Чтобы преодолеть его, приходится затрачивать добавочную энергию.

На наших заводах и фабриках, в нашем быту действует огромное количество электромашин, трансформаторов, приборов. Если подсчитать стоимость энергии, затрачивающейся в них в течение хотя бы одной секунды на размагничивание сердечников, получится внушительная сумма.

Понятно, какой огромный экономический эффект дали бы материалы, обладающие незначительным «остаточным магнетизмом». Поиски таких материалов начались еще тридцать лет назад. Однако их успеху мешало отсутствие теории этого явления.

Такая теория была создана советским ученым, профессором Московского университета Евгением Ивановичем Кондорским. Один из представителей русской школы магнитофизики, он начал свои исследования более двадцати лет назад. Прежде чем на листе бумаги появилась новая формула, потребовалось провести большое количество тонких и сложных опытов.

Многие из них приходилось проделывать ночью, когда стихают маленькие магнитные «бури», создаваемые электромоторами большого города. Испытания велись с проволочками из различных магнитных материалов. Чувствительным прибором измерялась степень их намагниченности. В этих опытах Евгений Иванович сделал важное открытие: если размагнитить растянутую грузом проволочку, то после снятия груза она намагничивается значительно сильнее, чем в обычных условиях. Отсюда можно было сделать важный вывод: магнитные свойства зависят от внутреннего напряжения.

Выведенная Е. И. Кондорским формула помогает технологам создавать новые магнитные сплавы с заранее заданными свойствами. Но в электротехнике нужны не только материалы, способные быстро размагничиваться, но и такие, из которых делаются постоянные магниты.

На столе лежит маленькая пластинка, умещающаяся на ладони. Весит она всего сто граммов. Рядом стоит трехпудовая гиря. С помощью легкой пластинки можно поднять гирю: пластинка — сильный постоянный магнит. Сделана она из... порошка, плотно спрессованного тонкого порошка железа.

Евгений Иванович Кондорский доказал, что магнит, сделанный из мельчайших частиц железа, должен быть наиболее постоянным. Он вывел также формулу, по которой можно рассчитать магнитные свойства смесей, состоящих из крупинок различной формы.

Маленькие и легкие пресс-магниты находят широкое применение в приборостроении и в авиационной технике.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Профессор Е. И. Кондорский за работой.

Фото Г. Липскерова.

ПОСЛЕ СМЕНЫ

Б. БАЗУНОВ, фото А. БОЧИНИНА.

День и ночь дымят трубы металлургического гиганта Запорожья, кипит огненное пламя в доменных и мартеновских печах. Но вот, заглушая грохот и шум, ревет над заводом гудок. Конец смены. Из цехов выходят рабочие. Многие из них зайдут домой для того, чтобы отдохнуть, а потом, уложив в чемоданчики тренировочные костюмы, направиться на стадион.

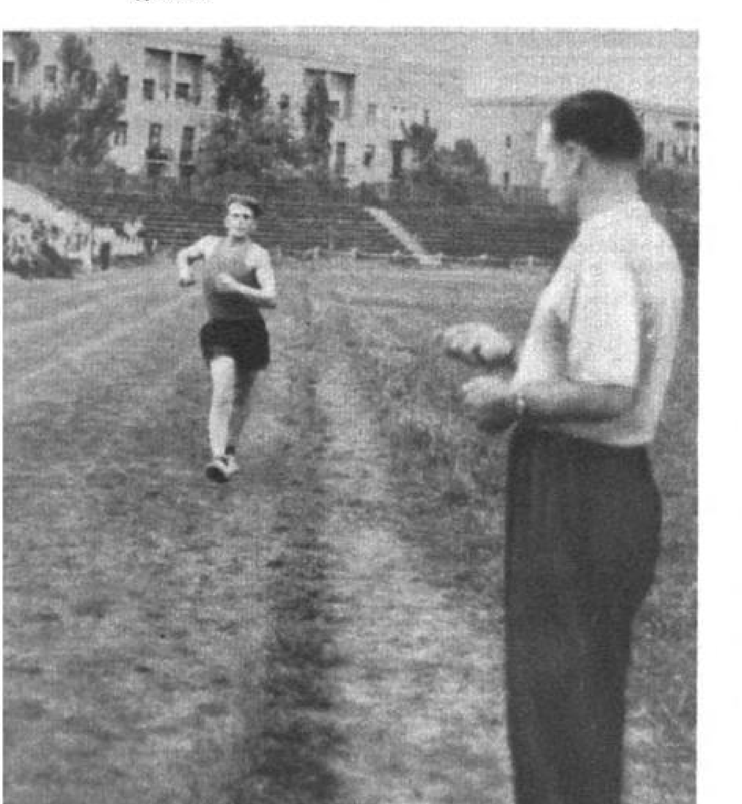
У тренера Павла Лаврентьевича Нежурко много учеников. Не успел он закончить занятия со скороходом Николаем Вертелецким, как уже собрались девушки. Сегодня они будут разучивать старт.

— Ну-ка, покажи им, Алик, как берется старт,— обратился тренер к лучшему спринтеру завода Полянскому. Этот атлет известен далеко за пределами Запорожья.

Водная станция завода расположена на острове имени Ленина. Трудно найти более удобное место для отдыха. В бассейне и на прекрасном пляже собираются сотни молодых рабочих.

Примерно так и распланировано время у старшего вальцовщика Николая Вертелецкого. Мы встретили Н. Вертелецкого после работы на стадионе.

Другие увлекаются парусным спортом. Оснастив свои суда, они выходят из бухты водной станции. Сделав поворот около бетонной линии Днепрогэса, обогнув остров, яхты бесшумно скользят по спокойным просторам Днепра.

Тренеры — частые гости на заводе. У них тут немало дел. Кое-кого надо пожурить за пропущенные тренировки, других предупредить о предстоящем соревновании.

Мы застали мастера спорта по борьбе Е. Свиридова в мартеновском цехе в тот момент, когда он приглашал машиниста завалочной машины Григория Козловского и сталевара Николая Грошева на тренировку.

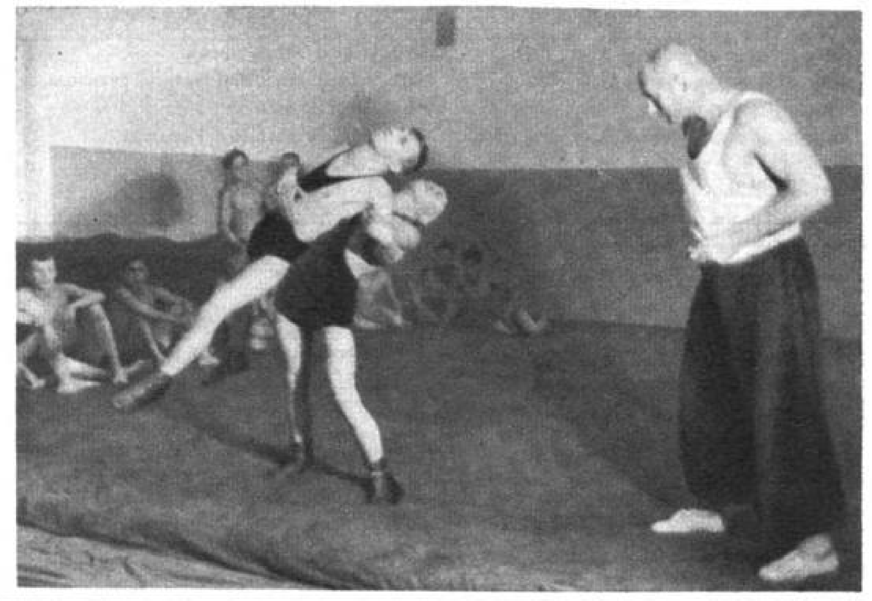
— Спасибо, обязательно придем,—отвечают они.

Слесарь вагонного депо Алексей Кузменков после двух лет упорных тренировок победил сильнейших гонщиков завода. Друзья поздравляют его с заслуженной победой.

Около депо в обеденный перерыв собрались штангисты и гиревики.

Потомственный кузнец и организатор секции борьбы П. И. Кушинский следит за схваткой своих учеников А. Сюселя и В. Стеценко. Нужно как можно лучше подготовиться к встречам с сильными соперниками.

Борцы тренируются в новом дворце физкультуры, построенном в прошлом году.

Площадку плотным кольцом окружили зрители. Поле похоже на футбольное, но в миниатюре. Ворота тоже уменьшены. Игра напоминает баскетбол, но мяч поменьше, да и игроков не пять, а семь.

Что же это за игра?

Она называется ручной мяч и пользуется большой популярностью в Запорожье, как и во всей Украине. С 1929 года запорожские спортсмены считаются лучшими в республике.

Команда металлургов — сильнейшая в городе. В прошлом году она завоевала первенство Запорожской области. На снимке запечатлен момент атаки спортсменами «Металлурга» ворот общества «Наука». Эта решающая встреча на первенство города закончилась победой заводской команды.

СТИХИ

Николай ГРИБАЧЕВ

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗДАЛЕКА

Я видывал страны,
где тупость венчают почетом,
Где слава и честь
измеряются банковским счетом,

Где смелого судят,
а умного гонят и травят,
Где в прессе продажной
продажные доблести славят,

Где к братству взывает
печальный священник в сутане,
А в ночь на домах
закрываются наглухо ставни.

Я песни там слушал —
они поневоле унылы,
Я видел цветы —
их там любят носить на могилы.

И алые розы,
ни в чем не повинные сами,
На старых кладбищах
живыми лежат мертвецами.

Я ехал домой,
и вливалась мне в душу отрада,
Ни чувства полней,
ни лучшей мне доли не надо!

Я рад, что народ мой
поднялся открыто и честно
За правду, которая
всем на планете известна,

Что он ни земли,
ни чужого не ищет богатства,
Что он уважает
законы соседства и братства.

Он бурь не боится,
смеется над пугалом смерти.
Трудны его будни,
а песни всех звонче на свете.

Сквозь все испытанья
проходит он сомкнутым строем,
Цветами своими
он путь устилает героям.

Я рад, что рожден я
и рос среди русской природы,
Что вместе с народом
я был в эти трудные годы,

Что в жизни свободно
иду по свободному краю
И лучше дороги
и счастья надежней не знаю!

ТОЙ, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ

Прости за все, что я принес
Не по своей вине... Прости
За боль разлук, за горечь слез,
За письма краткие с пути,

За то, что не хватило сил
Мне удержать тебя, когда
Вдали с фронтами колесил
Недели, месяцы, года.

Умна, честна, ты все поймешь:
Что глубока любовь была,
Что не измена и не ложь —
Нас буря века развела.

Я сердцем и душой все тот,
Опять я в спешке день-деньской,
Лишь сердце радостно замрет,
Чуть мимо женщина пройдет,
Напомнив чем-то облик твой.

И хоть нельзя соединить
Минувших и грядущих дней,
Я все стараюсь лучше быть
Во имя памяти твоей,

Чтоб ты не смела упрекнуть
Сама себя наедине,
Что ошибалась в чем-нибудь,
Протягивая руку мне!

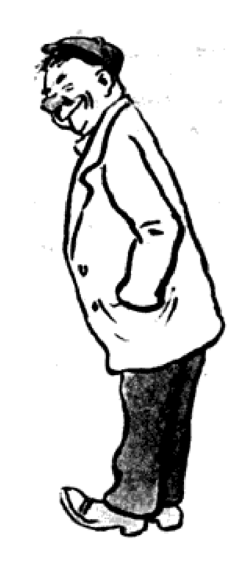
ОСЕННИЕ СТРОКИ

Кусты пожухли и озябли,
Поля зарей обожжены,
Мороз ручьев кривые сабли
Вложил в зеленые ножны.

И в старых вербах за дорогой,
С чьих темных плеч слетала
шаль,
Синичьей песенки недолгой
Звенит прозрачная печаль.

А у села, далече где-то,
Перевалив за рыжий холм,
На тракторе все едет лето,
Все передразнивает гром.

И нам, чтоб зиму встретить
легче,
Как бы внушает тот басок,
Что, мол, оно тут недалече,
Оно вернется в должный срок!

В субботний вечер

Борис ЛАСКИН

Рисунки Е. Ведерникова.

Закрыв глаза и уронив голову на ладонь, Утехин тяжко грустил.

Сегодня суббота. После работы он обещал сразу приехать домой. Он собирался пойти с женой в театр. Кроме того, нужно было еще успеть наладить ребятам телевизор, что-то там с ним стряслось. Такой был хороший план, и все сорвалось. А кто виноват? Кто его уговорил зайти выпить по случаю субботы? Выпить выпили, но потом все куда-то ушли, а он, Утехин, остался.

В столовой было людно. Рядом за столиками ели, пили, разговаривали, между тем никому и в голову не приходило, что Утехину грустно.

Прерывисто вздохнув, как ребенок после долгого плача, Утехин стукнул кулаком по столу и, обращаясь к вазочке с салатом, вызывающе спросил:

— На каком основании вы мне замечания делаете? Что ж вы думаете, если вы начальство, значит, вам можно вмешиваться, да? А может, это — мое личное, персональное дело. Я вам не указываю? Не указываю. И вы мне не указывайте!..

Утехин налил рюмку. Выпил.

— «Недостойное поведение, недостойное поведение»! Что, человеку уж и выпить нельзя? Что я, алкоголик?

Задушевную беседу с салатницей прервал высокий хрипловатый голос:

— Извиняюсь, разрешите к вашему столику?

Утехин обрадовался. Наконец-то появился желанный собеседник! Смахнув со стола крошки, а заодно и пустую тарелку, он встал и широким жестом указал на стул:

— Прошу.

Сосед оказался на редкость общительным человеком. Опрокинув стопку, он бодро сказал:

— Я почему к вам за столик сел? Вижу, культурный человек сидит, не скандальничает, ожидает, пока ему ремонт сделают. Я таких заказчиков уважаю. Ваше здоровьице.

— Почему вы меня заказчиком называете? — удивился Утехин.

Но сосед тут же пояснил:

— Раз я мастер ателье «Ремонт обуви»,— значит, для меня все люди — заказчики. На общем основании. В порядке живой очереди. И конец. И точка. И всё. И будь здоров.

— Простите, как ваше имя-отчество?

— Хлобыстов Елизар Иваныч.

— Очень приятно. Если не возражаете, я вас буду звать просто Вася.

— Пожалуйста. Об чем разговор. — Великодушию Хлобыстова не было границ.

Друзья заказали водки и полдюжины пива. Через полчаса они уже были на «ты». Держа собеседника за пуговицу, Утехин облизывал губы и говорил:

— Вася, ты меня уважаешь?

— Уважаю. А ты меня уважаешь?

— Уважаю. В состоянии ты понять, что я обиженный человек? Тарасов Николай Григорьевич — начальник главка. А Утехин кто? Утехин — рядовой работник. А если рядовой работник желает выпить, может начальство запретить?

— Не имеет полного права.

— Но он же меня на прошлой неделе вызвал и говорит: «Товарищ Утехин, на вас жалуются сотрудники, мне звонила ваша супруга. Вы,— говорит,— и работать стали хуже и пьянствуете, ведете себя недостойно». Ну, ты мне скажи, Миша: могу я это спокойно слушать?

Нареченный Мишей Хлобыстов покачал головой.

— Ты ж не на производстве пьешь, правильно?

— Ясное дело.

— Значит, конец. И точка. И всё. И будь здоров.

— Главное дело! — взорвался Утехин.— «Если вы,— говорит,— не прекратите это безобразие, нам придется расстаться».

Он стер рукавом слезу и грохнул по столу.

— Ты не расстраивайся. Давай выпьем.— Хлобыстов налил Утехину. — В случае чего оформляйся к нам в ателье. Подучишься и будешь работать, как человек.

— Не могу я в сапожники идти,— скорбно сказал Утехин,— у меня среднее техническое образование. Знаешь что, Вася, давай куда-нибудь уедем от начальства.

— Куда?

— В Курск.

— Договорились. Тем более, Курск — моя родина. Я сам в Краснодаре родился. Сядем на поезд и уедем. Пусть Егоров рыдает, волосы на себе рвет, что такого работника потерял.

— Не Егоров он, он Тарасов.

Они чокнулись и выпили.

— У тебя — Тарасов, у меня — Егоров. Директор ателье. Только от него и слышишь: «Хлобыстов, ты мне план срываешь!.. Хлобыстов, ты не нынче-завтра алкоголиком заделаешься!» Что твой начальник, что мой директор — одного поля ягода. Поехали, и конец. И точка. И всё. И будь здоров.

На Казанском вокзале, куда приятели прибыли на такси, билетов в Курск почему-то не оказалось. Пришлось тут же изменить маршрут.

— Поедем в Раменское,— сказал Хлобыстов, — тем более это моя родина.

Стоя в вагоне электрички, Утехин и Хлобыстов, с трудом сохраняя вертикальное положение, нежно смотрели друг на друга и порывисто обнимались. Пассажиры, невольные свидетели этой трогательной сцены, иронически усмехались, осуждающе качали головой и старались отодвинуться подальше: от обоих за версту разило водкой.

В вагоне было по-субботнему тесно. Рабочий день кончился. Нагруженные корзинками и свертками москвичи торопились за город, на дачи.

Утехину опять стало грустно, и он предложил спеть. Его покладистый дружок не возражал, и они запели. Громкий дуэт их не отличался стройностью. Видимо, сказывалось отсутствие школы. А может быть, виною этому было то, что Утехин пел «Спи, моя радость, усни», а Хлобыстов исполнял «Из-за острова на стрежень». На этот разнобой в репертуаре указал сотрудник железнодорожной милиции, который, к полному удовлетворению слушателей, высадил певцов из вагона.

Оставшись на платформе, Утехин плюнул вслед ушедшему поезду, а разгневанный Хлобыстов выразил свое неудовольствие в таких непарламентских выражениях, что, будь они услышаны милиционером, ателье «Ремонт обуви» надолго лишилось бы одного из своих сотрудников.

Бродя по платформе, приятели завернули в буфет, выпили еще по стопке и по кружке пива. Потом Утехин купил в киоске все шесть экземпляров книги «Спутник ветеринарного фельдшера». Три книги он вручил Хлобыстову, две оставил себе, а одну решил преподнести ожидавшей поезда даме в соломенной шляпе. Однако дама от подарка почему-то отказалась и, отбежав в сторонку, всплеснула руками:

— Боже мой, до чего напились, еле на ногах стоят! И ведь, наверно, оба семейные. Позор!..

Прочитав название станции — «Быково», Хлобыстов обрадовался.

— Друг! — закричал он.— У меня ж тут зять живет, в Быкове. Сейчас зайдем к нему, выставим его на пол-литра.

— Нет, — неожиданно заартачился Утехин,— не пойду я к твоему зятю. Не нуждаюсь. Я сегодня зарплату получил.

Пошарив во всех своих карманах, Утехин пожал плечами. Странно, столько было днем денег, и где они? Осталась самая малость.

Адреса зятя Хлобыстов не знал. Он смутно помнил, что тот живет где-то здесь, в Быкове.

Держась за Утехина,— впрочем, трудно было установить, кто за кого держался,— Хлобыстов повел приятеля в неопределенном направлении.

Спотыкаясь о корневища сосен, пугая нестройным пением дачников, оба шагали по просеке, смело форсируя лужи.

— Ты дороги не знаешь,— заметил Утехин, ударяясь в темноте о сосну.— Дурак ты, вот ты кто!

— Знаю, будь спокоен,— сказал Хлобыстов и тут же рухнул в лужу, увлекая за собой Утехина.

— Это какая река? — осведомился Утехин, делая безуспешную попытку выбраться на сушу.

— Лично я не знаю. Зять знает.

Они поплелись дальше.

— Вася, давай загорать,— предложил Утехин, стаскивая с себя пиджак.

— Ночью загорать вредно,— авторитетно заявил Хлобыстов.

Освещенное луной, в стороне сверкнуло зеркало пруда.

— Давай искупаемся,— подал идею Утехин и, сев на землю, снял туфли.

Хлобыстов взял утехинские туфли и широким жестом забросил их в пруд.

— Барахло это. Понятно? Я тебе завтра новые сделаю. И конец. И точка. И всё. И будь здоров.

Утехин сказал «спасибо», махнул рукой и, не раздеваясь, полез в пруд.

— Утонешь, черт окаянный! — покачнулся Хлобыстов и, сняв полуботинки, небрежно швырнул их в воду. Потом, подумав, туда же бросил и кепку.

— Купайся скорей, а то зять спать ляжет.

— А мы его разбудим,— вылезая на берег, сказал Утехин.— Вставай, скажем, встречай дорогих гостей!

Сразу за прудом начиналась улица. В густой зелени стояли аккуратные дачки. Откуда-то доносились тихие звуки рояля.

— Где твой зять живет? — властно спросил Утехин. Продрогший, грязный и босой, он шел, цепляясь за заборы, провожаемый заливистым лаем собак.

Хлобыстов изрядно осовел и устал. Ткнув пальцем в сторону, он сказал:

— Всё. Вот она, дача. Дальше не пойдем. Конец.

— Тогда споем, чтобы зять услышал,— сказал Утехин и лихо затянул: — «Шумел камыш, деревья гнулись...»

Хлобыстов подхватил тенором:

— «А ночка темная была...»

На террасе дачи появились люди. Послышался встревоженный женский голос:

— Сева! Запри калитку, Юра! Николай!..

— Руки вверх! — не своим голосом заорал Утехин.— Руки вверх, гости пришли!

— Караул! — завизжал Хлобыстов. — Спасайся, кто может!

С террасы по лесенке спустился плечистый человек в полосатой пижаме.

— Кто тут хулиганит? — спросил он строго и до удивления спокойно.

Утехин замер: «Какой знакомый голос! Неужели это он, Тарасов, начальник главка! Батюшки! Он! Он самый!..»

— Виноват,— закрывая лицо рукой, пролепетал Утехин,— ошибка, не туда попали...— И, подавшись назад в темноту, поволок за собой Хлобыстова.

Наступая босыми ногами на колкие сосновые шишки, не чувствуя боли, не видя ничего вокруг, Утехин тащил за собой собутыльника и лихорадочно думал: «Узнал меня или не узнал? Узнал или не узнал?»

— Что случилось? Кто это? — еще не оправившись от испуга, спросила у Тарасова жена.

— Люди. Напились до такого скотского состояния — смотреть страшно.

Тарасов помолчал и затем тихо добавил:

— Один из них, между прочим, мой сослуживец. Утехин. Работник главка.

— Ты шутишь!

Тарасов покачал головой:

— Нет, Люба, к великому сожалению, не шучу.

— И тебе не стыдно?

— Мне?..

— Да, тебе.

Тарасов пожал плечами.

— Знаешь, Люба, ты с таким укором мне это говоришь, что можно подумать, будто не он, а я, твой муж, — горький пьяница и дебошир.

— Я же тебе этого не говорю. Но ты уж признайся: есть у тебя, да и не только у тебя, такая чисто мужская черта — смотреть сквозь пальцы на подобные художества.

— Вообще говоря, я его вызывал...— нерешительно начал Тарасов.

— Не перебивай меня.— Жена бросила на Тарасова взгляд, полный прокурорской строгости.— Если бы этот твой Потехин...

— Утехин.

— Ну, Утехин, какая разница?.. Если бы этот твой Утехин натворил что-нибудь по служебной линии, ты бы ему дал жару, я твой характер знаю. А тут что? Мелочь. Человек напился, набезобразничал, перепугал весь дом. А ты?.. Посмотрел ему вслед и успокоился?

Тарасов не ответил.

В ночной тишине издалека послышался звон разбитого стекла, хриплый голос Хлобыстова и пьяный, разухабистый крик Утехина.

Тарасов виновато взглянул на жену и тяжело вздохнул.

Из истории вещей

ТЕРМОМЕТР

Лет двести с небольшим назад термометр показывал, что вода кипит при 0 градусов, а замерзает при 100. Физические свойства воды с той поры не изменились, изменилась лишь шкала термометра. Когда вообще не было этого необходимейшего прибора, о температуре судили приблизительно, по ощущению. Вот некоторые из первых наблюдений своеобразного «бюро погоды» XVII века: они записаны, вероятно, каким-нибудь подьячим со слов караульных стрельцов в Кремле, в обязанности которых тогда, кроме «бережения» Кремля, вменили еще и наблюдение за погодой:

«1657 г. 30 генваря, пяток. День до обеда холоден и ведрен, а после обеда оттепелен»... и далее: «в нощи был мороз непомерно лют», «...были росы холодные».

Термометр, действие которого основано на тепловом расширении тел, ведет свое начало от термоскопа. Он был устроен Галилеем в конце XVI века и показывал изменение температуры, но не выражал этого изменения в градусах.

При устройстве термометра — в переводе с греческого «тепломера» — самым трудным оказалось установить те постоянные точки, по которым можно было бы построить его шкалу и определить величину градуса. То, что сейчас представляется само собой разумеющимся, потребовало очень долгого и упорного труда ученых и мастеров-стеклодувов.

Первые тепломеры были воздушные, водяные и спиртовые, иногда очень затейливо устроенные, в виде, например, спирали на подставке, однако шкала была произвольная, и градусы разных термометров были несравнимы между собою. За постоянные точки пробовали принимать температуру самого холодного и самого жаркого дня, температуру глубоких погребов и плавления коровьего масла.

Так, в поисках и пробах, протекло много лет, но они не прошли бесследно: был накоплен большой опыт, который позволил наконец к сороковым годам XVIII века один за другим создать три вошедших в обиход термометра.

Г. Фаренгейт, немецкий физик и искусный стеклодув, первый изготовил термометры, применив для их наполнения ртуть, которая расширяется более равномерно, чем спирт. За 0 градусов он принял температуру смеси снега с нашатырем или с поваренной солью, за 32 — точку «начинающегося замерзания воды», а за 212 — точку ее кипения. Нормальную температуру человека Фаренгейт определял в 96 градусов. Вслед за ним создал спиртовой термометр французский ученый Р. Реомюр. Он первый стал градуировать его по точкам замерзания и кипения воды, от 0 до 80 градусов. На этих точках спирт или ртуть в термометре стоят неподвижно, пока вода замерзает или кипит. Наконец, в 1742 году шведский астроном А. Цельсий на ртутном термометре разделил промежуток между двумя постоянными точками на 100 градусов. При существующей десятичной системе счисления это очень удобно. Его термометр получил общее признание, он принят в науке, а у нас также и в быту.

Б. АЛЕКСЕЕВ

ТРУДНЫЙ РИСУНОК

— Ты куда идешь?
— В зоопарк. Слона рисовать.

Изошутка Ю. Федорова.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин М. А. Врубеля и четыре страницы цветных фотографий.

Изошутка Ю. Черепанова.

Из почты «Огонька»

ГОЛУБИ НА ЧУКОТКЕ

Много на Чукотке птиц! Над грядами волн бухты Эммы снуют чайки. На озерах можно увидеть тонконогих куличков и стремительных в полете уток. В поселке в уголках карнизов домов обосновываются на гнездовье непоседы пуночки. Полярные воробьи стали завсегдатаями селений.

А неподалеку от бухты Провидения — на побережье Берингова пролива — огромные птичьи базары. Здесь и горбоносые гаги, и красноклювые, с пушистыми, как степной ковыль, бровями топорки, и чирки, и кайры. Кроме водоплавающей птицы, есть тундровая: полярные совы, куропатки.

Однако домашних голубей никогда не было. Считалось, что в Чукотском районе, омываемом вечно холодными водами, они не могут жить.

Но любители птиц, приехавшие жить и работать в этом суровом крае, привезли с собой пернатых друзей, построили им под карнизами домов жилища. И голуби прижились на Чукотке, акклиматизировались. Нынешним летом появился первый вывод.

Сейчас в нашем полярном поселке Урелики около двух десятков голубей.

Ал. ПОЗДНЯКОВ

Бухта Провидения,
поселок Урелики.

Между прочим

ШОУ ЗА РУЛЕМ

Шоу любил управлять своей машиной. Однажды, когда он вел машину по очень неровной и извилистой дороге, у него внезапно возникла тема для новой пьесы.

— Какого вы мнения о моей идее? — спросил Шоу сидевшего рядом с ним шофера, умного человека, с которым писатель привык иногда советоваться. Писатель с чисто юношеским пылом стал развивать перед ним план задуманного драматургического произведения.

Вдруг шофер, не произнеся ни слова, вырвал руль из рук увлекшегося Шоу.

— Вы что это? — от неожиданности воскликнул писатель.

— Извините меня, — сказал шофер, — но пьеса у вас получается такая замечательная, что я не хотел дать вам умереть прежде, чем вы ее напишете.

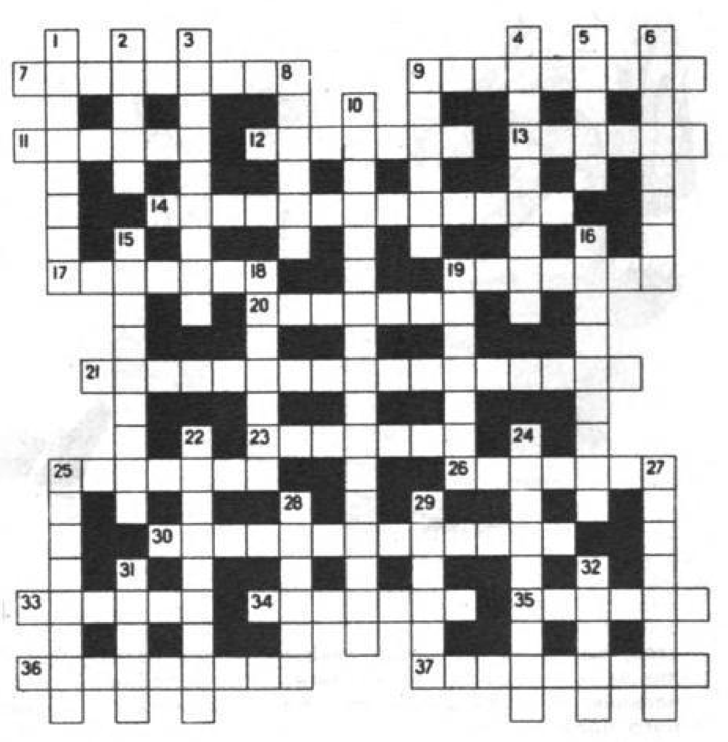
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Порядок ведения собрания. 9. Метод исчисления дней. 11. Героиня одного из романов Г. Флобера. 12. Создатель и дирижер первого оркестра русских народных инструментов. 13. Горный хребет на Алтае. 14. Линия, образующая прямой угол с другой прямой. 17. Стол для столярной, слесарной работы. 19. Плавучая ледяная гора. 20. Русский полярный исследователь. 21. Образование производных слов от основных. 23. Приток Северной Двины. 25. Торжественная песнь. 26. Сигнал. 30. Распорядитель. 33. Величайший драматург Древней Греции. 34. Пьеса М. Горького. 35. Рассказ А. П. Чехова. 36. Ткань. 37. Классификация.

По вертикали:

1. Замерзание реки. 2. Драгоценный камень. 3. Часть зрительного зала. 4. Город в Якутской АССР. 5. Смелость. 6. Пистолет. 8. Судно. 9. Одна из форм организации живого вещества. 10. Учреждение. 15. Грузинский поэт XIX века. 16. Радиоприемное устройство. 18. Белорусский писатель. 19. Аппарат, выполняющий работу при помощи внутреннего механизма. 22. Музыкальный инструмент. 24. Радиоактивный элемент. 25. Синтетическая смола. 27. Сходство, соответствие. 28. Окаменевшая смола хвойных растений. 29. Потухший вулкан в Турции. 31. Река в СССР. 32. Пастух.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

5. Ефимов. 6. Чардаш. 9. Косяк. 10. Сиваш. 12. Вклад. 15. Напев. 16. Коробочка. 18. Быков. 19. Анита. 20. Динго. 21. Владивосток. 23. Катет. 25. Белка. 27. Штрек. 29. Ординатор. 31. Фагот. 33. «Паяцы». 34. Минск. 35. Федин. 36. «Кинжал». 37. Босфор.

По вертикали:

1. Сфинкс. 2. Довод. 3. Фазан. 4. Казбек. 7. Пятов. 8. Бирка. 9. Камыш. 11. Шахта. 13. Модификация. 14. Конгломерат. 16. Короленко. 17. Анемометр. 22. Мегом. 24. Декан. 26. Арысь. 27. Шопен. 28. Самшит. 30. Ацетон. 32. Титан. 33. Питон.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Оформление Л. Шумана.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

А 06243. Подп. к печ. 19/X 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 874. Заказ 2970. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Маленькому Мишке все интересно...

Фото Галины Санько.

Цена номера 3 руб.